

ЯСЯ БЕЛАЯ

18+

МАРТА

зараза!

Яся Белая

8 марта, зараза!

<https://litres.ru/74221184>

Аннотация

~БУКТРЕЙЛЕР~ – Сколько вы должны, Альберт Исаевич? – неожиданно переходит на деловой тон Асхадов. Папа озвучивает сумму. Офигеть! Где он успел так вляпаться? – Ваша дочь не стоит таких денег. _____ Мой отец крупно задолжал бандитам. И теперь, чтобы вернуть деньги, готов продать родную дочь бизнесмену Гектору Асхадову, о котором говорят, что у него вместо сердца – калькулятор. Только Асхадову я не нужна. Или нужна? Кем я стану для него – вещью? женой? наваждением? _____ Повседневность, логичный ХЭ, драма, лайтовый БДСМ, неидеальные герои

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ! _____

Обложка от ~IDEALNO~

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ/ – 1 –	10
– 2 –	21
– 3 –	38
– 4 –	50
– 5 –	61
– 6. –	75
– 7 –	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

ПРОЛОГ

Работать на восьмое марта – это жесть. Но сидеть в пустой квартире и реветь от того, что о тебе никто не вспомнит, не поздравит и не подарит даже три хилых тюльпанчика – ещё хуже. Несмотря на то, что квартира у меня большая, роскошная и в самом престижном районе. Поэтому, когда директор спросила, кто желает выйти подежурить на праздник – вызывалась в первых рядах. Дома бы сошла с ума.

Лидия Дмитриевна, наш билетный кассир, смотрит на меня с сочувствием, пока я уныло вешаю куртку на плечики и кидаю рюкзак на полочку под вешалкой.

– Твой так и не объявился? – спрашивает она. Вроде бы по-дружески, сочувствуя. Но я всё равно судорожно сглатываю – такие вопросы лишний раз проворачивают нож в сердце.

– Нет, – произношу уныло, присаживаюсь к батарее и включаю кулер. Сейчас выпью горячего шоколада – может, отпустит. И даже наша маленькая каморка за шкафами начнёт казаться уютной. Во всяком случае, очень надеюсь.

– Гад он после этого, – продолжает коллега.

Даже не спорю. Ещё какой.

Ольга Семёновна, уборщица, достает из сумки бутылку коньяка.

– Так! – командует она зычным голосом. – Сопли подте-

реть! Сегодня – женский день! Гуляем, бабоньки!

Порой, глядя на неё, мне кажется, что проблем в мире не существует вообще. Потому что у Ольги Семёновны их, пожалуй, больше чем у других – съемная квартира в её-то возрасте, пьющий муж-бездельник, зять, который регулярно гоняет её дочь, и та прячется у родителей в двушке с тремя маленькими детьми... В общем, с ума можно сойти, но она умудряется улыбаться, шутить и всегда быть в слегка приподнятом настроении. Её любимая фраза: «Жизнь одна, не фиг тратить её на сопли!» За это я её уважаю. Как и Лидию Дмитриевну, которая пару месяцев назад вышла замуж за мужчину, любившего её сорок лет, доказав всем нам, что в шестьдесят два жизнь только начинается.

Женщины спешно собирают на стол – огурчики, капуста, колбаса, сыр. «Быстрый завтрак», как у нас на работе это называют.

Наш маленький коллектив – сегодняшние дежурные в городском музее: кассир, уборщица и я, экскурсовод. Мне экскурсии вести, с людьми общаться. Поэтому киваю на бутылку в руках Ольги Семёновны и поднимаю вверх ладони:

– Я – пас. А то люди придут – как экскурсию вести?

Лидия Дмитриевна хихикает:

– Серьёзно думаешь, что кто-то придет в музей восьмого марта?

– А вдруг... – но договорить мне не даёт Ольга Семёновна:

– Не дрейфь, Аллуся. Если и придут, то сами «хорошень-

кими» будут.

Они правы. Мне хочется махнуть на всё рукой и нажраться в хлам. Может, тогда бы стало менее больно?

– Уговорили, – сдаюсь я, – наливайте!

– Вот это правильное решение! – поддерживает Ольга Семёновна. – А то хоронишь себя в двадцать два. Подумаешь, муж бросил. Эка невидаль! Не ты первая, не ты последняя брошенка...

Залпом опрокидываю рюмку коньяку, задыхаюсь, моргаю... Я вообще-то не пью крепкие напитки. А у Ольги Семёновны коньячок – явно домашнего производства. Забористый. Ух!

– Нормально пошло, – комментирует Лидия Дмитриевна и заботливо протягивает мне огурчик. – Расскажи, что твой психнул-то? Два года, значит, терпел-терпел, а потом всё – сдёрнул!

Лидия Дмитриевна у нас красотка. Звезда, как она о себе говорит. Всегда одета с иголочки, с маникюром, регулярно посещает косметолога и лучшего в городе парикмахера. Муж у неё в Израиле – дорабатывает до пенсии, чтобы уже осесть в России и доживать здесь своё «долго и счастливо». Их путь друг к другу длинной в сорок лет – предмет моей острой зависти. Надо же, мужчина был влюблён в неё ещё в двадцать и никогда не забывал. Нашел её через интернет и общих знакомых по девичьей фамилии, несмотря на то, что она её к тому времени изрядно нивелировала тремя браками.

ми. Но нашёл, явился и – сразу потащил в ЗАГС! Чтобы уже не терять никогда! Чудеса случаются. Неужели и мне ждать моей настоящей любви сорок лет?

Нервно хихикаю: ну, да, других любят. И там не помеха ни время, ни расстояние, ни возраст. А навязанных жён, вроде меня, – терпят. До поры.

– Нечего рассказывать, – говорю честно и чувствую горечь от этих слов. – Подарок мне такой сделал на день Святого Валентина. Избавил от себя.

Давлю глупые слёзы. Я ведь два года надеялась, что у нас всё-таки получится семья. Старалась. Была идеальной женой. Но так и не стала ему нужной. Хотя временами и проглядывало что-то, кормившее мои пустые надежды.

– Всё равно не ной, – подбадривает Лидия Дмитриевна. – Не твой человек значит. Своего ещё встретишь. Какие твои годы?!

Наш музейный кот Кузя, будто учуяв моё состояние, трётся у ног, заглядывает в глаза, мурчит. Терблю пушистую шёрстку, улыбаюсь. Слегка отпускает.

Ольга Семёновна разливает по второй:

– Своего встретишь не когда-то, а прямо сегодня. Поверь моей чуйке! – она ерошит свои короткие русые с проседью волосы и довольно щурит серые глаза. – Вангую тебе горячую ночьку! За это и выпьем!

От третьей отказываюсь, ухожу наверх, сажусь за компьютер. Работы много – акты внутримуззейной передачи, топо-

пись, этикетаж... Вроде бы отвлекает. Но как оказывается – ненадолго.

И Лидия Дмитриевна выходит неправой – у меня за сегодня случается аж пять экскурсий. Успеваю так же провести лекцию о красоте советских женщин, закинуть посты в музейные соцсети.

Случайные посетители-мужчины даже приносят нам скромные букетики из красных тюльпанов и веточки мимозы. И настроение даже как-то улучшается.

Выходя из музея, планирую завернуть в супермаркет и купить себе бутылочку вина и тортик. Завтра выходной. Значит, можно будет вдоволь начинаться романов в сети, а потом – отоспаться.

Погода мерзкая – мокрый снег, спешно превращающийся в слякоть под ногами. Да уж – не любит что-то весна в этом году женщин.

Вспоминаю древнюю легенду о том, что раньше весна наступала, когда Аид отпускал на поверхность Персефону. Сейчас, видимо, не хочет расставаться с любимой. Вот Деметра и лютует, злится, что дочь не вернули вовремя.

За такими размышлениями я не сразу замечаю чёрный джип, который в буквальном смысле крадётся за мной.

Но дёргаться начинаю, когда на ближайшем квартале машина перегораживает мне дорогу.

Каменею, стою, как вкопанная, и хлопаю глазами – не иначе папино тёмное прошлое, от которого я и «спряталась» за-

муж, догнало!

Словно подтверждая худшие опасения, из салона выбирается верзила в куртке с глухим капюшоном, и буром прёт на меня.

Взвизгиваю, наконец, соображаю, что надо бежать. Срываюсь с места. Ныряю в «колодец» между пятиэтажками, и тем самым загоняю себя в угол.

Преследователь догоняет, хватает и прижимает к моему лицу тряпку, пропахшую чем-то тошнотворным. Меня ведёт, ноги подкашиваются. Я улетаю во тьму.

Вот тебе, Аллочка, и восьмое марта!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ/ – 1 –

– 1 –

Двумя годами ранее

Гектор Асхадов – один из некоронованных королей нашего маленького городка. Глава самого крупного строительного холдинга. Лучшие участки в городе неизменно доставались Асхадовым. Сначала отцу, Ибрагиму Асхадову, теперь вот, после его смерти, сыну. Гордо носившему звание самого молодого и успешного бизнесмена края. Сколько ему? Кажется, всего тридцать или около того. Выглядит он, как воплощение античного бога. Такие черты только в бронзе отливать, а лучше – высекать из мрамора. И имя под стать – из древних греческих легенд.

Вот только глаза – слишком холодные, льдистые, серо-зелёные. От их пристального взгляда в упор хочется закутаться во что-то тёплое. У богов из тёплых стран не бывает таких глаз. Они бывают у судей, которые привыкли выносить суровые приговоры. И даже ресницы, слишком густые и слишком длинные для мужчины, загнутые на концах, ничуть их не смягчают.

Он – наша последняя надежда. Так сказал отец, когда мы входили в этот кабинет. Вот и сидим теперь, как два прови-

нившихся школьника на «ковре» у директора. Отец елозит на стуле, без конца трогает волосы и нос, а я... Я неприлично пялюсь на малознакомого мужчину.

Асхадов же разглядывает нас едва ли не с брезгливостью, как на мерзких насекомых. Когда он подносит руку к губам, чтобы сделать затяжку, манжет немного опускается и демонстрирует часы. Я не разбираюсь в марках, но они, наверняка, стоят дороже, чем наша поддержанная «Хонда».

Перехватив мой взгляд и хмыкнув, Асхадов снисходит до того, чтобы начать разговор.

– Почему я должен вам помогать? – голос мужчины полон холода и презрения. – Вы, Альберт Исаевич, всего лишь партнёр моего покойного отца. Не самый честный, надо признать партнёр. После сотрудничества с вами из нашей компании пришлось столько дерьма выгрести. Извините, но у меня нет желания иметь с вами какие-либо дела.

Я тут для мебели, мне не положено возмущаться пренебрежительным тоном, не положено подавать голос. Отец сказал: «Просто сиди!» Вот я и сижу, вжавшись в спинку стула, смотрю на отца, который сейчас жалок и унижен. А ведь было время, когда он чванился тем, на чём и сколько раз вертел всю империю Асхадовых.

Понятно, что нынешний глава холдинга смотрит теперь на моего отца, как на отбросы. Досадливо морщится. Ему явно неприятен данный разговор.

– Но мне больше не к кому обратиться, – канючит отец,

хватая себя за волосы. – Они уже начали действовать. Вчера подстроили аварию – и теперь моя Риммочка в больнице. А сегодня... – он всхлипывает, – сегодня они позвонили и сказали, что пустят Аллочку по кругу, если я не найду деньги...

Отец говорил мне: у нас – серьёзные проблемы, но от шока, что мама в больнице после жуткого ДТП, я не предала этому значения. Просто было неважно. Всё враз померкло. И вот теперь у меня холодеет всё внутри, когда отец озвучивает перспективы. Потому-то, доходит мне, и взял с собой, потащил на эту встречу с Асхадовым-младшим – боится оставлять одну.

Отец тихо плачет от беспомощности.

Асхадов элегантным движением стряхивает пепел с сигареты – за время нашего разговора уже третью выкуривает, в кабинете надымлено, хоть топор вешай. Скоро начну кашлять. Не выношу табачный дым. Но хозяину этого офиса плевать на состояние гостей. Холодом и презрением, исходящими от него, можно убивать.

– Спрошу ещё раз – на каком основании я должен вам помогать, Альберт Исаевич? – сверлит папу тяжёлым взглядом.

– Я же не ради себя прошу, – всхлипывает отец, – жена...дочь...

– Это – ваши родные, не мои...

Отец вскидывает голову, улыбается своим мыслям, словно в его голове родилась какая-то идея...

– Ведь мы можем породниться...

– Каким образом? – красивые губы Асхадова кривит улыбка.

– Вы можете взять в жёны мою дочь.

Асхадов закашливается, подавившись дымом, а потом кивает в мою сторону:

– Её?

И от самого тона, каким это произнесено, становится жутко обидно. Даже глаза щипать начинает. Я, конечно, не красавица, но и уродом не назовёшь. Во мне смешались папина татарская и мамина еврейская кровь. Да, верхние зубы у меня слегка неровные. И, наверное, я слишком худая. Но мама всегда учит, что тонкая кость – признак породы. А невысокий рост – только на пользу.

«Большие женщины созданы для работы, а маленькие – для любви», – любит повторять она.

Единственная моя серьёзная проблема – волосы. Они вьются, кудрявятся, не слушаются. Хоть тонну лака вылей – лягут, как хотят. И цвет определить сложно. Как писала Марина Цветаева: «И в волосах моих – все масти. Ведут войну!» Я их не крашу, меня устраивает этот странный цвет.

Косметикой тоже почти не пользуюсь. Так, слегка, оттенить.

Но всё-таки когда кто-то, настолько безупречно-красивый, как Асхадов, оценивает твою внешность циничным «Её?», начинаешь чувствовать себя страшилищем.

Ах да, ноги у меня худоваты. Настоящие спички. А меня

угораздило сегодня взлезть в узкую юбку до колен.

– Встаньте! – рывкает Асхадов, и я вскакиваю и вытягиваюсь по стойке смирно. – Пройдитесь.

Боже, чувствую себя товаром на рынке. Причём, не самым качественным товаром. Едва не спотыкаюсь на каблуках, будь они не ладны! Дрожу, как осиновый лист под холодным надменным взглядом мужчины. Его глаза откровенно насмеваются надо мной.

– И вот на ней вы предлагаете мне жениться? – бросает Асхадов в мою сторону. Отец кивает. – Бесформенные вешалки меня никогда не привлекали, знаете ли. И потом, я слышал, ваша дочь учится на библиотекаря...

– На музейного работника... – бормочу тихо, глотая злые слёзы.

– Ещё лучше! – фыркает он. – Да и сама – музейный экспонат. Там самое и место. А мне нужна жена, с которой не стыдно появляться в высшем обществе. Вот это... – он снова кивает на меня, – я с собой на приём к губернатору точно не возьму.

Как унижительно! Мне хочется убежать и спрятаться... И рыдать с подвываниями. Пусть лучше по кругу пустят, чем такие унижения терпеть! Папа, зачем ты меня сюда притащил?! Мама придёт в себя – голову тебе открутит.

– Сколько вы должны, Альберт Исаевич? – неожиданно переходит на деловой тон Асхадов.

Папа озвучивает сумму.

Офигеть! Где он успел так вляпаться?

– Ваша дочь не стоит таких денег. А женитьба – слишком серьёзный шаг. Я, знаете ли, его не планировал пока делать. Так что, полагаю, наш разговор окончен. Где выход – вы знаете.

И мы с отцом, униженные и оплётанные, плетёмся к двери.

По пути в голове пульсирует только одно: на какие цели отец тратил такие сумасшедшие деньги? Да, у нас трёшка, неплохая, в престижном районе города. Но так и купил отец её не вчера – ещё когда с Асхадовыми дела вёл. Наша «Хонда-Стрим» уже давно просится на заслуженный отдых. В прошлом году на восьмое марта папа за праздничными тостами обещал подарить нам с мамой тур в Европу, в результате вырваться смогли только в Таиланд, и то лишь потому, что друг – хозяин турагентства – подогнал путёвку по дешёвке.

– На что уходили деньги? – спрашиваю, когда мы оказываемся вдвоём в салоне машины.

Отец цепляется за руль, как за спасательный круг, роняет голову на руки.

– Прости меня, доченька. Прости. Из-за меня тебе такое

унижение терпеть приходится. Знаешь, у меня так и чесались руки набить морду этому зазнайке. Я когда с ними сотрудищал – Гектор мелким клерком был. Ибрагим его к серьёзным делам не допускал. А сейчас гляди – важный какой!

– Почему не допускал? – удивляюсь я.

– Он же Ибрагиму – пасынок. Тот своих сыновей от первого брака везде тащил. А Гек у них на побегушках был. Хотя он и гений – школу закончил в пятнадцать с золотой медалью, а в восемнадцать – университет экстерном. С красным дипломом. Зануда хренов. Если бы Ибрагим не кинул его тогда на аудит, я бы и дальше ловил рыбку в этой мутной водичке.

Меня накрывает – мой отец едва не продал меня незнакомцу, а сейчас сидит и расписывает, какой он молодец, что проводил финансовые махинации под носом у своего партнёра, который ему доверял. Между прочим, даже когда всё выяснилось, Асхадов-старший не применил к папе никаких санкций. Нигде не напакостил. Просто перестал иметь с ним какие-либо дела вообще. А вот Гектор, после рассказа отца, начинает вызывать невольное уважение. В принципе и сегодня он поступил... благородно. Да, пожалуй. Ведь мог бы согласиться. Купить. Попользоваться. И выбросить. Или вообще – лишь пообещать помощь. Но он был предельно честен. Безусловно – чрезмерно жесток и резок. Из-за чего сердце до сих пор мучительно сжимается, глаза щиплет и хочется провалиться сквозь землю.

Беспощаден, как скальпель хирурга, – любит говорить мама. Свою мечту о медицине она похоронила в семейной рутине, когда вышла за моего отца. Но словечки и поговорки, связанные с профессией мечты, употребляет охотно. Эта фраза – её характеристика чересчур честных людей. Таких, как Гектор Асхадов.

А вот мой отец – темнит, юлит и не отвечает на прямые вопросы. Поэтому я бросаю ему почти зло:

– Папа, ты несправедлив по отношению к нему.

Отец грозно цыкает на меня:

– Ещё защищать начни! Забыла, как он тебя унизил? – Это ты меня унизил, хочется сказать мне. Но я лишь злобно зыркаю и проглатываю обиду – не привыкла перечить. – Ты совершенно его не знаешь, Аленький. Гек – беспринципная мразь. Потому что слишком уж много совпадений на его пути к креслу главы холдинга. Слишком много смертей. Сначала от сердечного приступа скovyрнулся Ибрагим. Эта глыбина! На нём поля вспахивать можно было! И вдруг – бах! – сердце! Вот даже не смешно. Потом – старший брат внезапно умирает от передозировки в одном из ночных клубов. Ну да, Амир любил покутить, и баб любил. Но меру знал. Не мог он передозироваться, ну просто не мог. А через несколько месяцев и Курбан в ящик сыграл. В окно выпал. Несчастный случай! Ты веришь в такие несчастные случаи? Я – нет. И вот наш Гек – скромный интеллигент-ботаник – в кресле главы! Ну не чудо ли?! Ибрагим его матушку из такой нищеты вы-

ташил! Они же с хлеба на воду перебивались. Так Арина в рот ему смотрела потом, щенком у ног лежала, хвостиком виляла. А Гек – хоть Ибрагим ему и свою фамилию дал – так в семью и не вписался. Как был чужаком – так и остался. Теперь вот семейку свою перевалил и себе всё пригрёб! Урод!

– Папа! – возмущаюсь я. – Как можно бросаться такими обвинениями? У тебя же нет доказательств.

– Дочка! Это только такая наивная и добрая девочка, как ты, может не видеть очевидного!

– И всё-таки, пока вина не доказана, человек не виноват.

– Глупая ты, Аленький, ой глупая! Кто ж его накажет? Он вон с губернатором нашим вась-вась.

Ловко отец обходит острые углы и переводит тему. Но я упряма, мне надо знать.

– Пап, скажи честно, на что ты всё-таки тратил деньги?

Он сереет, сильнее сжимает руль, видно, расстроен.

– Делал ставки, – выдаёт наконец.

– Что? – от шока у меня просто пропадает дар речи. Я не могу вместить подобное в голове.

– Ал, ну что ты в самом деле, как маленькая! Многие выигрывают же! Миллионерами становятся! Просто мне не фартило. Но я чуял – удача близко. Я и сейчас чувствую.

Глаза его горят нездоровым блеском, руки на руле подрагивают.

– Папа! – кричу я. – Немыслимо! Ты поставил под удар свою репутацию! Маму! Меня! Что с нами будет теперь, па-

па?

– Всё будет хорошо, Аленький, – натянуто улыбается он.
– Папа всегда решал проблемы. И эту решит!

Ужасно! Потому что я не верю ни одному его слову. Ре-
ву горько-горько. Хотя хочется орать: «Как решишь? Как?»
Квартиру продашь? Машину? Меня?

Мы подъезжаем к дому, отец паркуется. Я хлопаю две-
рю и бегу вперёд. Не хочу с ним разговаривать. Не хочу его
знать. Он так лихо судит других! А сам? Грешно так о род-
ном отце, но я не могу. Меня будто в дерьмо с головой оку-
нули.

Забегаю в свою комнату, закрываю дверь, падаю на по-
стель и плачу от бессилия. Получатся, самый дорогой че-
ловек, тот, кому мы с мамой так верили, предал нас. Вот
его поздние совещания! Задержки в командировках! Став-
ки! Только в главной игре – реальности – ставкой стала наша
с мамой жизнь!

Вспоминаю, что врачи говорили вчера о дорогостоящем
лечении и последующей реабилитации. А отец был таким се-
рьёзным, кивал и обещал всё сделать в лучшем виде.

Лжец.

Слышу, как он мечется в гостиной. Без конца кому-то зво-
нит. Начинает бодрым голосом: «Здорова, Фёдор!» – «Макс!
Сколько лет, сколько зим!» – «Кириш! Как твоё ничего?», а
потом сникает: «А... понятно...» – «Да ясное дело! Сейчас
у всех туго» – «Не извиняйся, друг. Всё пучком»

Ищет деньги. Сумасшедшие деньги. Такие легко никто не ссудит. Да что там: и половину этой суммы достать – уже сказка! Близкие знакомые уже все отказали, теперь, видимо, по дальним пошёл.

Выхожу на кухню, попить воды. От количества слёз – внутри пустыня и сушь. Кошусь в сторону гостиной: отец сидит на диване, понутив голову, сжимает в одной руке телефон.

Он в отчаянии. Это видно явно.

Великий решала!

Мне не жаль его ни капли.

Будто чужим стал вмиг...

Ставлю чайник на плиту, но прежде чем он успевает зашвистеть, раздаётся звонок в дверь...

Пугающе-настойчивый...

ВИЗУАЛЫ НАШИХ ГЕРОЕВ

ГЕКТОР АСХАДОВ

АЛЛА НИБИУЛЛИНА

Их пятеро.

И я сразу жалею, что открываю им дверь, не глянув в глазок.

Они все – громадные. Один – лысый, с татухой на лысине. Двое тёмных и носатых. Явно кавказцы. И ещё двое – отвратного вида близнецы, с длинными рожами, не тронутыми интеллектом.

Они сметаю меня с пути, как пушинку.

Не здороваются.

Топают в гостиную, оставляя грязные следы на ламинате.

Им явно нужна не я. Пока не я.

Они пришли к отцу.

– Ну что, Альбертик, приготовил бабки, – начинает лысый. Он на голову ниже своих спутников, зато куда коренастее. – А то Ржавый сильно нервничает.

Отец, увидев гостей, меняется в лице.

– Не может быть... – бормочет он. – Ржавый же неделю давал.

Лысый ржёт, его подельники тоже.

– Эй, бизнесмен, ты что, считать разучился? Неделя же сегодня закончилась. Вот Ржавый и говорит: ребята, сходите узнайте, как там мой друг Альберт. Может, быть столько бабла нагрузил, что унести сам не в силах, надо помочь хо-

рошему человеку.

Отца начинает откровенно трясти.

– Ребята, ну нет сейчас денег. Ни копейки нет, – он даже выворачивает карманы. – Но я найду. Обязательно найду. Мне только время надо.

– Гасим, – лысый оборачивается к одному из носатых, самому мерзкому, – кажется, наш друг Альберт чего-то не понимает. Объясни ему.

И верзила обрушивает на отца град ударов: бьёт по лицу, в живот. А когда папа падает на пол – то лупит ногами.

Отец рядом с ними такой маленький и хлипкий, что меня пронзает острая жалость. Избивать слабого могут только полные моральные уроды.

Я ору, верещу, как раненный заяц.

– Прекратите! Немедленно прекратите! Вы же убьёте его! Как меня колотит. Зуб на зуб не попадает. Просто разрывает от бессильного гнева и страха.

Липкого тянучего страха.

Ибо понимаю – убьют. Для того и пришли. А помощи ждать неоткуда.

Но, кажется, своим криком делаю только хуже. Потому что тут их хищные морды оборачиваются в мою сторону. Они смотрят на меня такими взглядами, будто живьём отгрызают по куску.

Лысый довольно лыбиться. Именно так, потому что назвать улыбкой его мимику нельзя. Это мерзкая похотливая

лыба.

– О, вот и стимулятор прибыл! – радостно говорит урод, шагает ко мне, хватая за плечо. – Помнишь, Альберт, что мы тебе говорили по поводу твоей милой дочурки?

Гасим поднимает отца за волосы. Лицо папы превращено в кровавое месиво. Больно смотреть. Он плачет – жалобно, бессильно. Слезы путаются с кровью. Но всё-таки пробудет сказать, хотя, наверное, и губы разжимать больно:

– Не трогайте её. Прошу. Девочка не причём.

– Ещё как причём, – уточняет лысый, – её крики сейчас живо твои мозги прочистят. Говорят, она у тебя хорошая. Небось, ещё целочка. Не волнуйся, сейчас распечатаем.

Он кивает близнецам, те хватают меня за руки, буквально распинают. А второй носатик ловит ноги, которыми пытаюсь лягаться. Я извиваюсь, кричу, плачу, но у меня нет сил бороться с ними.

Они громадны...

А я...

У меня только что разбились розовые очки. Стёклами внутрь. Осколки впиваются в глаза. И, кажется, я реву кровью.

От иллюзии благополучной жизни, которую для нас создавал отец, не осталось и следа. Падение с небес на землю оказывается максимально жёстким. Часть моего сознания ещё не верит до конца в происходящее. Такого просто не может быть! Мой любимый папа не мог подвергнуть се-

мью такому риску.

Эти люди ошибаются!

– Нет... пожалуйста... прошу... не надо... – лепечу вмиг пересохшими губами.

На крики уже нет сил. Но разве мольбы когда-нибудь трогали бездушных?

Я на грани обморока, но держусь зубами за остатки реальности. Не хватило только отключиться перед этими уродами. Пока в сознании – буду бороться до конца. Кусаться. Вырываться.

Лысый буквально раздирает ту дурацкую юбку, в которой я сегодня дефилировала по кабинету Асхадова. Блуза тоже через несколько секунд становится лишь куском тряпки...

– Ты такая хлипкая, – ухмыляется лысый. – Кожа да кости. Поддержаться не за что. Три члена сразу для тебя будет серьёзным испытанием. Та что готовься, девочка. Сейчас будем тебя драть! Гасим, ты же любишь невинные попки. А я, так уж и быть, займусь её целкой. А ты, Шаво, её ротик заткнёшь.

И сознание всё-таки почти покидает меня, когда грязные похотливые ручищи начинают шарить по моему телу.

Я пропускаю тот момент, когда на арене появляется ещё один игрок. Просто его голос – холодный и острый, как ледяной клинок, прорезает пространство и отрезвляет:

– Убери. Лапы. От. Моей. Женщины.

Чеканит. Вбивает каждое слово.

Насильники даже отпускают меня, падаю на пол, и могу видеть его.

Снизу – смотрю на бога, явившегося в мир смертных.

Какой же он высокий! Не ниже этих амбалов. И плечи широченные. Вот только вовсе не выглядит шкафом, как они. Наоборот – стройный, даже изящный. Но мощь от него идёт такая, что всех в комнате к полу прибивает. Отец от одной его энергетики начинает скулить.

Гектор Асхадов собственной персоной.

В костюме от кутюр, белоснежной рубашке и начищенных до блеска туфлях.

Свет лапы разливает золото по тёмно-русые волосы. Они почти горят, искрятся, сверкают. Ореолом.

Только в глазах – арктический лёд.

А ещё ладони у него очень красивые. Пальцы тонкие, длинные, аристократические. Сейчас они сжимают пистолет.

... их пятеро, он один...

... им страшно, ему нет...

– Асхадов, – начинает лысый, примирительно вскидывая руки, – ты не кипишуй. Мы её не тронули. И если девка твоя – может, и бабло за неё отдашь.

– Это не твоё дело, Семён, – низкий голос Асхадова остужает атмосферу. – А наше с Ржавым. Мы и решим. Вымелись отсюда. Живо. Все.

Он не повышает голоса ни на йоту. Просто бросает слова.

Но... словно мечет ножи. И все они попадают в цель – амбаров как ветром сдувает.

И лишь когда они уходят, я вспоминаю, что у них тоже были пистолеты. Но они офигели так, что забыли об оружии. Впрочем, как и я.

Сию почти голая на полу, всклоченная, зарёванная. Смотрю на него – безупречного, идеального, изысканного. И понимаю – влюбилась. По уши. До звёзд в глазах. Безвозвратно.

Асхадов же с некоторой брезгливостью созерцает тело, распростёртое у его ног. То есть меня.

И на меня – поздним откатом – набегает цунами стыда. Погребаёт, утаскивает в бездну, где хочется только выть, обняв коленки. Я сейчас, наверное, отвратительно-жалкая. И обнажённая! Перед почти незнакомым мужчиной! И он видел, как меня лапали!

Ааааа...

Закрываю лицо руками, чувствую, как горят щёки.

Я же теперь смотреть на него не смогу. Всё время буду этот позор вспоминать. Кажется, тот лысый ублюдок даже трусики на мне успел разорвать!

Асхадов хмыкает и протягивает мне руку, произнося с досадой, как непонятливому ребёнку:

– Живо вставайте! Простудитесь.

Вроде бы и забота, но сам тон – всё тот же, с режущей холодностью – заставляет меня реально замёрзнуть.

Клацая зубами, всё-таки цепляюсь за его руку – красивую, сильную, твёрдую – и в тот же миг меня вздёргивают вверх.

На какое-то мгновение я оказываюсь в его объятиях, и меня буквально околдовывает ароматом терпкого парфюма смешанного с дорогим табаком.

Сдуреть можно. Я хочу быть в этих объятиях вечно – твёрдых, будто из камня. Макушкой я едва достаю ему до середины груди. Рядом с ним мне так нравится чувствовать себя маленькой, хрупкой, незащищённой.

Только Асхадову не нравится – едва ли не морщась, он отстраняет меня от себя. Но всё-таки снимает пиджак и набрасывает мне на плечи, оставаясь в безупречно-белой рубашке, обрисовывающей его торс так, что, кажется, я могу пересчитать все кубики пресса...

Смущенно отвожу взгляд. Прячу нос в жёсткую, пахнущую им ткань. Пиджак так нагрет, что не скажешь, будто его носит ходячий айсберг.

– Нужно отвезти вашего отца в больницу, – констатирует Асхадов, и тут мой, перегруженный за день эмоциями мозг, с трудом осознаёт – посреди комнаты валяется мой, избитый и истекающий кровью, отец.

Бросаюсь к нему, падаю на колени, больно ударяясь ими об пол, обнимаю его и вою:

– Папа! Папулечка!

Меня довольно грубо оттаскивают и основательно встряхивают. И взгляд такой: сиди, молчи, не рыпайся.

Асхадов поднимает отца, удерживает его за плечи.

– Альберт Исаевич, вы можете идти?

Отец с трудом разлепляет глаза, понимает кто перед ним, пытается вырваться, хрипит, выплюнув кровь:

– Гектор, сука!.. Ты... ты... виноват...

– Верно, – резко отзывается тот, – виноват в том, что не посадил вас ещё тогда. Сейчас бы вы не валялись здесь в крови. А вашу дочь не пытались бы пустить по кругу отморозки.

Отец пытается ещё что-то бурчать, но Асхадов его не слушает:

– Алла, идите вперёд. Моя машина – первая у подъезда. Большая, чёрная, – он не называет марку, видимо, поняв, что я в них не очень, – откройте заднюю дверь, – швыряет мне ключи, – и ждите нас.

Я всё ещё немного заторможена и не сразу соображаю, чего он от меня хочет. Но когда соображаю – мотаю головой.

– Я не могу выйти в подъезд в таком виде... – заливаясь краской, сильнее кутаюсь в его пиджак.

– Алла Альбертовна, вы – разумное существо? А то у меня начинают возникать сомнения. – Холодно, резко, утверждая факт. Без лишних эмоций. Разве что, чуть устало.

– Мне надо переодеться. Я быстро.

– У нас нет времени даже на ваше «быстро». Бегом в машину. Не заставляйте меня жалеть, что я опять влезаю в грязные делишки вашей семейки.

Через мои усталость и отчаяние всё-таки пробивается

злость. Хватит мне унижений на сегодня!

– Мне вообще интересно, почему вы вдруг надумали нам помогать?

– Передумать обратно? – смотрит в упор, к полу взглядом приколачивает. Пытается достучаться до рациональной меня. Той, которая ещё способна вынырнуть из творящихся вокруг хаоса и жути. У него получается.

Киваю. Поднимаю ключи. Иду к двери.

Машинальные действия.

Асхадов прав в своём невысказанном: какое дело, что обо мне подумают соседи? У меня отец связался с бандитами! Моя мать в больнице! Меня чуть не изнасиловала толпа поддонков. Пробежать почти голой в одном мужском пиджаке через подъезд – это сущие пустяки по сравнению с тем, что уже случилось.

Руки дрожат, я не могу попасть в эту кнопчку с открытым замочком. Наконец, пульт тихо пиликает, сообщая, что машина открылась.

И почти сразу же появляется Асхадов, волокущий моего отца, как куль. Тот пытается упираться и, еле ворочая языком, тем не менее костерит нашего спасителя.

Белоснежная рубашка Асхадова вся в пятнах крови.

Он заталкивает отца на заднее сидение – широкое, как диван. И командует:

– Алла, в машину! И держите его.

Сам же садиться за руль.

Ещё одна новость для меня – раньше считала, что такие крутые типы передвигаются только с личным водителем.

Асхадов плавно выруливает, а я устраиваю голову отца у себя на плече. Мне всё ещё его жалко, хотя и зла на него неимоверно. Но невозможно столько лет любить человека, считать его самым лучшим, и вмиг разочароваться. Ты все равно будешь находить хорошее... Упрямо. Раз за разом.

Глажу отца по волосам, успокаиваю, будто он – мой ребёнок, а не наоборот. Папа то проваливается в забытье, то приходит в себя и начинает плакать и просить прощения. Баюкаю его, а сама думаю, что и на Асхадова я не могу злиться до конца. Потому что... он не купил меня, он меня... спас. Мой герой.

И пусть он такой – колючий, резкий, холодный – от этого только привлекательнее.

Бросаю взгляд на дорогу и вдруг понимаю – мы едем не туда.

– Поликлиника же в другой стороне! – слова вырываются прежде, чем я успеваю их как следует обдумать.

Слышу, как Асхадов презрительно фыркает:

– Алла, на факультет музейных работников отбирают по степени кретинизма?

Я аж подпрыгиваю – уже не в какие ворота!

– Что вы себе позволяете?! – взрываюсь я. – Кто вам даёт право меня унижать?!

– Вы же и даёте, – всё так же холодно, ровно и презритель-

но отзывается он, – когда демонстрируете свои умственные способности. Я обычно так не делаю, но у вас сегодня тяжёлый день, поэтому объясню, а вы постарайтесь уловить, потому что повторять не стану. Какая поликлиника? Они сразу позвонят в полицию. Вам ещё полицию в это дело вплести не хватало. У вашего любезного родителя рыльце настолько в пушку, что он загудит за решётку первым. Да и Ржавый будет не рад.

Ржавый... Те амбалы говорили о нём. Похоже, их босс? Откуда Асхадов знает его? И почему бандиты его послушались? Он же был один... Да, вооружённый, но один.

В голову невольно лезут слова отца, о том, что Гектор на пути к директорскому креслу уничтожил отчима и сводных братьев.

Меня передёргивает.

Я избежала насилия, а сейчас – один на один (избитый отец не в счёт) с убийцей. Для которого нет ничего святого. Семейю, обогревшую его, порешил.

– Откуда вы знаете Ржавого? – не удерживаюсь я. У меня сегодня просто «День неуместных реплик».

Асхадов хмыкает.

– Это имеет какое-то значение для вас? Достаточно будет, если скажу – он мой хороший знакомый.

– Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты, – цитирую прописную истину.

– О да! – доносится ехидное. – А по факту вы не знаете ни

Ржавого, ни меня. Он ведь неплохой человек. Просто персонал никогда не умел подбирать.

– Бандит для вас – неплохой человек?

– Ну, для вас же финансовый махинатор и игроман – хороший? – язвительно переспрашивает Асхадов. Возразить я не успеваю, потому что мы уже паркуемся возле небольшой частной клиники на окраине нашего города. Цены здесь за койкоместо – как в пятизвёздочном отеле. Асхадов выскакивает, успев небрежно бросить мне: – Ждите здесь и не дурите.

Через какое-то время он возвращается с двумя крупными санитарями, которые везут каталку. Отца, вновь потерявшего сознание, укладывают и увозят.

Я порываюсь за ним, но Асхадов меряет меня пренебрежительным взглядом и комментирует:

– Значит, в идти в клинику голой – вам нормально? Что же выпендривались дома?

Падаю на сиденье, придавленная стыдом вперемешку с гневом.

Гад! Какой же он циничный бесцеремонный гад!

Он вскоре возвращается и требует, чтобы я села на пассажирское кресло рядом с ним. Находится вблизи такой подавляющей энергетики – тяжело, но на споры у меня просто нет сил.

А потом... Потом я какое-то время тупо залипаю на его руки на руле, на то, как уверено он ведёт машину...

Асхадов же кажется поглощённым лишь дорогой, только минут через десять гробового молчания, наконец, произносит:

– Не люблю, когда люди себе додумывают. А так обычно случается, когда у нас мало информации. Это я вам как аудитор говорю. Поэтому расскажу. Настоящее имя Ржавого – Руслан Рыжов. Он и сам рыжий от природы. Но не в медь, а в ржавчину. Ещё и в веснушках весь. Отсюда – Ржавый. Мы в приюте познакомились. У моей матери, – на этом моменте голос его, впервые за всё время, чуть ломается и теплеет, – тогда были не лучшие времена. Сама выживала, как могла. Вот и отдала меня временно в приют. Там мы с Русом и познакомились. Ближе и вернее друга у меня никогда не было и не будет. Я за него порву, он – за меня. Ему не повезло в жизни. За мной-то мама пришла, забрала. Она как раз замуж за Ибрагима тогда вышла. А Рус остался. Он трудный был. Характеристика такая – ужаснуться можно. Но... – Асхадов судорожно сглатывает, – это потому, что никто его не знал. Поверьте, он бы никогда не отдал приказ насиловать вас. Это инициатива отморожков, которые вечно пользуются тем, что Рус ведётся на лесть. Придётся снова вправлять ему мозги.

За разговором я не замечаю, что мы вновь едем не туда. То есть – не к нам домой. Вместо этого машина через какое-то время сворачивает к загородному коттеджному посёлку, где живут самые богатые люди нашего города, и вскоре останавливается у высоченного глухого забора.

Асхадов открывает его с пульта, и мы въезжаем в просторный, благоустроенный по последнему слову дизайна двор.

Впереди дом – огромный, модный и холодный. Как и его хозяин. В том, что мы приехали к Асхадову домой, нет никаких сомнений.

Он обходит машину и галантно помогает мне выйти из салона.

Но тут же отпускает мою руку, будто касаться ему меня неприятно.

Это задевает, но я сегодня слишком устала и вымотана.

Асхадов заводит меня в шикарную гостиную, где царят лофт и хай-тек, и говорит, проводя рукой:

– Вот, располагайтесь. Там, за лестницей – гостевые комнаты.

– А я у вас гостья?

– Пока да.

– А потом?

– Потом мы поженимся. Ваш отец предлагал мне породниться. Вот и породнимся.

Он уходит. А меня накрывает истерика.

Падаю на пол, упираюсь руками в дорогой паркет, роняю голову и плачу. Нет, вою, как раненный зверь. Ощущение дикого одиночества, брошенности, ненужности накатывают на меня вместе со свинцовой усталостью.

Не выдерживаю, заваливаюсь набок, подтягиваю колени к груди и продолжаю реветь.

Горько, надсадно, тоскливо.

Была бы рядом мама, я могла бы обнять её и разделила бы с ней горе. Но нет никого. А мне до боли хочется, чтобы кто-то большой и сильный (вернее, не абстрактный кто-то, а вполне конкретный) подошёл и сгрёб в охапку, убаюкал, укрыл от всех бед мира. Шептал бы нежности. Уверял, что всё будет хорошо.

Память – гадина! – раз за разом подсовывает мне воспоминание о том кратком миге в его объятиях. О силе, уверенности которые исходили от мужчины.

Желанного мужчины. Такого нужного мне.

Хочется нырнуть в его тепло, но вместо этого я лишь плотнее заворачиваюсь в его пиджак, всё ещё висящий на моих плечах.

Я не понимаю, за что судьба так сурово обошлась со мной? Жила себе, и горя не знала. Обычная девчонка из среднестатистической семьи. Мы не бедствовали, и я никогда не думала, откуда в семье берутся деньги? Училась я тоже средне, но никто не ругал меня за это. Мама вообще говорит всегда: «Главное – корочка. А в приложение с оценками работодатель заглядывать не будет». Я себе ни в чём не отказывала – ходила с девчонками в кафе и кино, покупала ненужную мелочёвку в сувенирных магазинах, торчала вечерами в ВК и Инсте. Словом, жила, как тысячи двадцатилетних девчонок по всей стране.

И, конечно же, мечтала о любви. О том единственном, с

которым расстанусь с девственностью. Одногоруппницы глумили меня: мол, старомодно, никто не оценит, целок парни не уважают. Но в этом плане я для себя всё решила – только с любимым и, желательно, после свадьбы. Именно поэтому и отметала всех кандидатов – они были не те.

Тот самый ОН явился сегодня. И моё сердечко дрогнуло и... разбилось о глыбу льда.

За что судьба так со мной? Что я натворила?

Хнычу, скулю, размазываю слёзы по щекам. И тут слышу сверху:

– Ох, горюшко!

Надо мной склоняется худощавая женщина средних лет. На ней – форма горничной. Лицо узкое. И сама она напоминает юркую ящерицу.

– Вставайте, скорее. Гектор Леонидович будет ругаться, если увидит вас на полу... Он строгие распоряжения на ваш счёт дал.

Из всей её речи, я выхватываю только одно – отчество Леонидович. И вспоминаю слова отца, что Ибрагим Асхадов дал ему свою фамилию, а усыновлять не стал. Не знаю почему, но мозг цепляется за эту деталь.

Я поднимаюсь с помощью горничной и позволяю ей себя увести. Да, в одну из тех комнат за лестницей, о которых и говорил мне хозяин этого дома, когда мы приехали сюда.

Комната оказывается неожиданно уютной. В тёплых тонах. В ней – кровать-кушетка с множеством разнокалибер-

ных подушек. Пушистый плед небрежно наброшен с краю. Уютно.

– Посидите здесь, я приготовлю вам ванну. Вы совсем продрогли.

Я запоздало понимаю, что не представилась и не познакомилась. Ложусь на кровать, натягиваю на себя плед и понимаю, что тут же проваливаюсь нет, не в сон. В черноту. Густую, вязкую, тяжёлую.

Просыпаюсь от того, что по моему лицу скачут солнечные зайчики. Кровать, на которую я улеглась, не застилая, разобрана. Подо мной чистая простынь, одеяло вправлено в под-одеяльник. Но главное не это, а то, во что я одета – длинную, как говорит мама – бабушачью, ночью сорочку! А под ней – нет белья!

Аааа... Значит, вчера меня раздели, помыли и спать уложили, а мозг так и не включился, перегрузившись за день.

Но прежде чем он сегодня начинает генерировать панику и стыд, раздаётся стук в дверь.

На автомате отвечаю:

– Войдите! – и тяну одеяло до подбородка, заливаясь краской.

В дверях появляется высокая полная девушка. А точнее, молодая женщина. У неё в руках большой пакет.

– Я – Лена, – говорит она и начинает выкладывать вещи на тумбочку у кровати: светло-сиреневый домашний костюмчик из плюша, розовую футболку с котёнком, нижнее бельё – при взгляде на него вспыхиваю, наверное, до кончиков ушей – пушистые комнатные тапочки. – Вот, – отчитывается девушка, – Гектор Леонидович велел купить для вас. Одевайтесь.

Одежда куплена женщинами – это приносит облегчение.

Лена немного смущённо сообщает мне:

– Мы с Людмилой Васильевной о вас позаботились – раздели, искупали, уложили. Вы даже не проснулись! – хихикает она.

А мне становится ещё легче.

– Спасибо, – выдавливаю. – Не могли бы вы выйти, чтобы я переоделась.

– Хорошо, – кивает Лена. – Поторопитесь. Гектор Леонидович ждёт вас. Он встречи с утра отменил.

До моего ещё расслабленного и не проснувшегося окончательно мозга доходит, что Гектор – в своей холодной манере – но всё-таки позаботился обо мне. Горничных прислал. Одежду мне купить велел. Теперь вот и на работу не поехал, ждёт.

– Который час? – спрашиваю, голос хрипит, горло дерёт.

– Одиннадцатый, – сообщает Лена уже от двери. – Для хозяина – нонсенс так поздно на работу ехать. Он у нас очень пунктуальный.

Киваю – доставила проблем я Гектору. Хоть бы отменённые встречи не были суперважными.

Лена уходит, я спешно бегу в ванну, привожу себя в порядок, переодеваюсь в чистое. Интересно, как женщины угадали, что я люблю котят? Футболочка очень милая и смешная.

Свои непослушные волосы собираю в хвост и выхожу из комнаты.

Асхадов сидит на диване – он у него просто громадный,

угловой, обитый серой кожей – и что-то быстро печатает на ноутбуке. Скорее почувствовав моё появление, скидывает голову:

– Доброе... – поднимает руку, смотрит на часы – наверное, ещё утро. Это последний раз, Алла. И то, учитывая, что вам пришлось пережить. Подъём в этом доме в семь утра, завтрак – в восемь. Ради вас режим никто менять не будет.

Я смотрю на него, и мне приходит в голову мысль, что этот человек – робот. Он снова безупречно-элегантен, с иголочки, тёмно-русые, отливающие золотом волосы, идеально уложены. Ни малейшей небрежности.

– Присаживайтесь, – кивает на кресло, куда я опускаюсь совсем изящно, почти плюхаюсь, что непременно отмечается ехидным хмыком. – Я оставлю вам карточку. В субботу у нас роспись. Постарайтесь организовать всё по высшему классу. Будет пресса, приедут из администрации края.

Хлопаю глазами:

– Я понятия не имею, как организовывать свадьбы, – признаюсь честно, потому что ощущаю лёгкий ужас от такого поручения. – Я вообще никогда ничего не организовывала. Этим всегда занималась мама.

– Google вам в помощь, если не умеете. Пора вырастать и учиться. Никто не станет делать всё за вас всю жизнь.

Асхадов чеканит слова. Мне интересно, у него вообще когда-нибудь включаются эмоции? Кроме глухого раздражения, презрительности, цинизма. Что-то человеческое. На это

и пытаюсь надавить, когда, сглотнув непрошенные слёзы, произношу:

– Какая свадьба, Гектор Леонидович! У меня и мать и отец в больнице!

Он вскидывает на меня взгляд, смотрит, как на молекулу какую-то, пыль у его брендовых туфель.

– У меня вся семья на кладбище – и что? Будем с вами в равном положении.

– Вы не понимаете! – взрываюсь я. – Свадьба – это так важно для девушки! Нужно, чтобы в этот момент мама была рядом. Благословляла, поддерживала. Чтобы отец вёл к алтарю.

Асхадов морщится и вскидывает вверх свою красивую ладонь:

– Алла, стоп! Избавьте меня от этого розового бреда и сентиментальных рюшек. У нас с вами – деловое соглашение. Я не помогаю чужим – не благотворительный фонд. Мне придётся вывести из оборота солидную сумму...

На этом моменте я перебиваю его.

– Зачем? Ржавый же – ваш приятель. Вы можете договориться и вообще ему не платить.

– Мой друг – не вашего отца, который ему задолжал, раз, – с явным раздражением произносит Асхадов. – Два – долги надо платить всегда. Там, где начинаются неуплаты, заканчивается дружба. Это – манипуляция и злоупотребление хорошими отношениями. А потом прощённый долг, как и

прощённое преступление, всегда имеют плохие последствия. Ваш отец тому наглядное доказательство. Очень жалею, что простил ему пять лет назад мошеннические схемы.

Асхадов поднимается, кладёт на журнальный столик нутбук и пластиковую карту.

– И, Алла, постарайтесь без вычурности. Если купите себе платье в виде торта, я стяну его с вас прямо перед камерами. Помните, у нас свадьба публичная. Всё должно быть строго и элегантно. – Ещё раз окидывает меня таким взглядом, будто сожалеет, что приходится поручать столь сложное задание такой, как я. – И да, лечение ваших родителей я оплатил. – Он говорит так, будто добавляет сумму к долгу отца. – Надеюсь на ваше благоразумие, – бросает, наконец, и стремительно идёт к двери...

А я сижу, раздавленная и растерянная, и совершенно не представляю, с чего начинать... Хлопаю глазами, прокручиваю в голове варианты. Мои невесёлые мысли прерывает Людмила Васильевна.

– Алла Альбертовна, идёте кушать. Остывает же всё!

И пока спешу за ней, к накрытому столу, смущённо благодарю за вчерашнее.

Она машет тонкой узловатой рукой:

– Бросьте, это меньшее, что мы с Леной могли сделать для невесты хозяина.

Сердце ёкает – Асхадов представил меня прислуге своей невестой! Какой он всё-таки... ответственный. Озаботился

моим статусом, моей репутацией! Это невероятно трогает и становится стыдно, что недавно называла его мысленно роботом. Я ведь, по сути, многим обязана ему. Да что там? Меня бы сейчас не было, если бы не он! Групповое изнасилование я бы не пережила – ни морально, ни физически.

Стол накрыт на веранде. Её конструкция такова, что когда смотришь снаружи, кажется, что эта часть строения – квадратная, стеклянная – парит в воздухе.

На столе из чёрного дерева – белая посуда. В низкой вазе – изящная икебана из коряг и крупных красных цветов, названия которых я не знаю.

Завтрак – полезный и вкусный при этом: овощной салат, запечённая сёмга, прохладная минеральная вода, свежесжатый сок.

Меня смущает, что Людмила Васильевна, которая, наверное, старше моей мамы, обслуживает меня. Когда раньше меня за стол усаживала мама – это воспринималось нормально. А теперь – я без конца благодарю, наверное, уже как японский болванчик.

Она улыбается, ласково хлопает меня по руке:

– Всё в порядке, Алла Альбертовна. Мне в радость. Мы все счастливые, что Гектор Леонидович решил жениться, да ещё и такой приятной особе, как вы. Может, с вами климат в этом доме потеплеет. Да и сам хозяин растает. Он очень хороший человек. Знаете, кристально порядочный. Отморозьте его, милая.

Но разве я могу обещать? Мне лишь остаётся надеяться, что получится это сделать. Потому что я бы хотела его тепла больше всего. Ибо тянусь к нему, как травинка весной тянется к солнцу. А моё солнце не хочет греть.

Людмила Васильевна тактично оставляет меня. И я беру телефон – когда его успели доставить из нашей квартиры? – и листаю контакты.

К кому обратиться?

Тётя Софа. Мамина старшая сестра. О да, она мастерица затевать праздники и созывать на них всю нашу еврейскую родню. Получается всегда очень шумно, пёстро и знаменательно. Но это точно плохая идея. Во-первых, они вдрызг поссорились с папой, когда тётя Софа узнала о том, что мама попала в больницу, а папа ещё и денег в долг стал просить. Не думаю, что она до сих пор успокоилась. Скажет: мать в больнице – а ты праздники устраиваешь. Во-вторых, Асхадов с его педантичностью вряд ли оценит такую компанию.

Значит, отпадает...

Мотаю ленту дальше.

Не то, не то, не то...

И вот когда я уже близка к отчаянию, я вспоминаю о Динке. У Дины Самохиной – моей одноклассницы – тётя как раз таки свадебный флорист. Вот они-то мне точно помогут.

Набираю Динку. Одноклассница отзывается сразу.

– Аллуся, блин! Слышала про твою маму! Очень сочувствую.

Я сдержано благодарю, потому что её сочувствие уж больно похоже на восторг.

– Как там в универе? – интересуюсь. Из-за семейных проблем уже два дня не была на лекциях.

– Да как-как, МIRONЕНЬКО лютуют! Грозит всем прогульщикам недопуском к экзаменам!

Фаина Дмитриевна МIRONЕНЬКО – наша завкафедрой музееведения. Лютовать она умеет. Даже от одного представления о том КАК, мне становится страшно. Ведь я раньше никогда не пропускала. Разве что по болезни. Но случалось это нечасто. Несмотря на хрупкое телосложение – здоровье у меня отменное. Ладно, потом придумаю, как задобрить нашу ФДМ – как её дразнят студенты. Дина мне нужна по-другому поводу.

– Забьём пока на лекции, – предлагаю я и слышу в трубке протяжное: «Оуу!». – Я тебе звоню спросить: будешь моей подружкой невесты?

Блиzkих подруг у меня нет. Скорее, я со всеми девчонками в хороших отношениях. А в остальном – слишком большая разность интересов. Я домашняя, а почти все одногруппницы любят клубы и дискотеки. Поэтому мне, на самом деле всё равно, кто из них станет подругой невесты. Пусть Дина. Она весёлая, разбитная, хохотушка. Наверняка, с нею свадьба не будет скучной.

По ту сторону трубки раздаются восторженно-удивлённые охи-вздохи...

– Ты... ты... замуж выходишь?

– Да, выхожу.

– И когда?

– В эту субботу.

– Да ладно! – чувствую, она вскакивает и начинает метаться по комнате. – И кто счастливчик?

Скажу – не поверит ведь, но говорить надо:

– Гектор Асхадов.

– Что? – кажется, Динка вотпрямщаз подпрыгнула на месте. – Ты выходишь замуж за Гектора Асхадова?!

– Да, – отрываюсь я, сама понимая то, как это звучит.

– Нет! – вопит Динка. – Неправильно задаю вопрос: ты выходишь за мегасекси и суперкрасавчика Асхадова?

– Именно.

– Уииии! Круто! Ты залетела?

Я не совсем понимаю её логику, о чём и сообщая.

– Ну, ты залетела от него, поэтому вы так спешно женились?

– Нет, – говорю, а сама понимаю: именно так это и будет выглядеть в глазах общественности, – я не беременна, если ты об этом. У нас вообще ничего не было.

– Тогда почему? – недоумевает Динка.

– Большую любовь с первого взгляда ты исключаяешь? – печально юмору я.

– Полностью. Об Асхадове говорят, что у него вместо сердца – калькулятор. А счётные машинки, знаешь ли, не

влюбляются.

– Дин, не важно, почему мы женимся. Ты поможешь мне? У тебя же тётя вроде занимается оформлением свадеб?

– Конечно, помогу. Уже набираю её. От такого заказа она точно не откажется.

– А ты сама? Будешь моей подружкой невесты?

– Спрашиваешь! Разумеется!

Дальше Динка даёт мне наставления: перейти в комп, и сейчас тётя на почту будет слать мне варианты оформления.

Перебираюсь в зал, устраиваюсь на том самом огромном кожаном диване, включаю ноутбук, и начинается марафон. Вариантов такая масса, что у меня разбегаются глаза. Лавандовая свадьба. Мятная свадьба. Клубничная, цитрусовая... На яхте, в самолёте, в старинном доме...

Боже! Хочется всё и сразу! Какая же красота!

Думаю, что нам с Гектором подойдёт мятная. Запах мяты – терпко-холодноватый – ассоциируется с ним. И ещё – необычный оттенок его глаз можно тоже назвать мятным.

Динина тётя обещает покидать мне варианты оформления в таком стиле. И я остаюсь довольной собой.

Теперь нужно подобрать платье, туфли, букет, причёску...

Боже! Как я сделаю всё это сама? Доверившись чужим людям? Может, всё-таки позвонить тётъ Софе?

Уныло гуляю по сайтам. Вариантов масса. Нравится многое. Но как выбрать именно моё? Не ошибиться с образом?

Раньше моим дизайнером и стилистом была мама. У неё

очень хороший вкус. Она научилась профессионально делать макияж. Так что по салонам я никогда не ходила.

Пока путешествую сайтам свадебной одежды, приходит сообщение от Дининой тётки. Открываю фото и...

– Что это? – раздаётся за спиной.

Я аж подсказываю на диване – не заметила, как вошёл Асхадов. У него лёгкая, пружинистая, будто летящая походка. Это я заметила ещё вчера. Немудрено, что увлёкшись, не услышала, как он вошёл.

И вот теперь – возвышается надо мной, лежащей задрав ноги на диване перед ноутбуком, и смотрит на экран с таким лицом, словно увидел раздавленного таракана.

– В-варианты с-свадебного оформления, – сажусь, прячу глаза. – Мятная свадьба.

– Это – мешанство и безвкусица, Алла. Я никогда не допущу подобного у себя на свадьбе, – презрительно резюмирует Асхадов.

Ну да – реальные фотографии, которые прислала мне Динина тётка, в разы отличались от тех, которые мы просматривали в интернете. Но... это же не конечный вариант. Может, у неё ещё есть... Кажется, я всё это лепечу, оправдываясь.

Он лишь закатывает глаза.

– Хочешь всё испортить – поручи Алле, – бросает почти зло. Чувствуется, что он раздражён и недоволен мною. – Всё приходится делать самому. – Достает телефон, набирает номер. – Филипп, здравствуй. Помнишь, ты обещал мне услу-

гу за услугу? Так вот, пришли завтра бригаду своих ребят. Я женюсь. Моей невесте нужна помощь в оформлении свадьбы.

Строго, без эмоций, по-деловому. Бросает на меня ехидный взгляд и хмыкает.

– Бегом в свою комнату, переодеваться. Мы едем ужинать.

– Но... я... у меня... одежда...

– Алла! – с явным недовольством, прикрывая трубку ладонью. – Если я сказал бегом – значит, бегом! Если сказал переодеваться – значит, одежда уже есть! Неужели так сложно выстраивать простые логические цепочки? – недовольно кривит красиво очерченные губы.

Сложно! Потому что я ещё не привыкла! Не знаю, как себя вести. Почему он не учитывает это?

Но, проглотив обиду и спрятав слёзы, спрашиваю другое:

– А куда именно мы поедем?

– На встречу с Ржавым.

– З-зачем?

– Должен же я представить невесту своему шаферу?

Несколько секунд я перевариваю сказанное, пока смысл доходит окончательно: Асхадов собирается сделать шафером на нашей свадьбе убийцу – да-да, именно так! оба выжили чудом! – моих родителей! Это не просто унижение это... это...

– Вы не посмеете... – говорю я, обнимая себя за плечи, потому что вмиг становится холодно и невероятно одиноко. И больно. Чёрт, как больно.

– Не посмею что? – обманчиво-ласково произносит Асхадов. Он возвышается надо мной, как скала. Как утёс среди бушующего моря моих эмоций. Засунув руки в карманы и глядя на меня из-под полуопущенных длинных ресниц. – Сделать шафером своего друга?

– Но... – дрожа, всё-таки осмеливаюсь возразить я, – из-за него пострадали мои родители. Это неуважение к ним.

Асхадов хмыкает, обливает меня ледяным презрением, его низкий голос полон ехидной насмешки:

– Только щадя ваши дочерние чувства, Алла, скажу – ни мне, ни Русу не за что уважать вашего отца.

– Он – мой отец. Какой есть! – закипаю я. – Это наша свадьба. Вы должны прислушиваться и к моему мнению!

Выпаливаю это – и мне становится страшно: он же сейчас со мной что угодно сделает! Изобьёт, изнасилует, с зем-

лёт смешает! Жмусь от ужаса, который накатывает липкой волной.

Но Асхадов не сдвигается с места и на миллиметр, только усмехается – жутко так, цинично, без капли жалости:

– Алла, усвойте сразу, – спокойно, чуть устало и несколько досадливо произносит он, – вы – вещь. Дорогостоящая высокобюджетная вещь. А я, знаете ли, не привык интересоваться мнением своих запонок или стула. И почему ещё здесь? Бегом одеваться! И лучше не злить меня – не понравится. – Бросает всё это, как подачку нищему, разворачивается и уходит, но чуть замедляя шаг, оборачивается и говорит: – Алла, на всё – час! Через час я выволоку вас из этого дома, в чём застану.

Я стою, ловлю ртом воздух и глушу истерику. На автомате добираюсь до своей, вернее, выделенной мне комнаты, падаю на кровать и смотрю в потолок. Внутри такая пустота, что я даже не могу плакать.

Меня посещает мысль послать Асхадова с его помощью куда подальше и уйти. Держать он не станет – я уверена. Искать тоже. Но и помогать ещё раз – скорее всего – не будет.

Он ведь и так почти навязался со своей помощью. Мог бы не приходить и не спасать.

Да и куда я уйду? В родительскую разгромленную квартиру? Попрошусь к тёте Софе? Куда? Сейчас я одна в целом мире. И отвергать помощь Асхадова было бы глупо. Тем более – если отбросить эмоции – ведёт он себя почти благород-

но: не пристаёт... А ведь мог бы потребовать за долги оплату телом...

И...

Думая об этом, вспыхиваю, как спичка. И понимаю, что всё это время лишь силой воли гнала от себя мысли о нём, как о мужчине. Потому что если начну...ооо...

А ведь скоро – если не стану дурить и пытаться взбрыкнуть, отказаться от помощи – мы станем мужем и женой. И мне будет сколько угодно позволено не только думать о нём в таком ключе, но и...

Интересно, а в постели он такой же – жёсткий и ледяной? Или под этой толщей льда кипит лава?

Я загадываю: пусть будет жестковатый и горячий.

Густо краснею. Зато мысли с обидных переползают на фривольные. Это приподнимает мне настроение.

Вспоминанию, что Людмила Васильевна просила меня разморозить Асхадова. Значит, шанс есть. И я постараюсь сделать всё, чтобы им воспользоваться.

И я таки поднимаюсь и открываю шкаф. Вещей действительно много. Притом рассортированы сразу комплектами с аксессуарами и обувью. Всё очень дорого, респектабельно и не по-моему.

Снова помощь – но на чужих условиях. И принимая их – раз за разом – не потеряю ли я личность? Не стану ли действительно вещью – без собственного мнения, гордости, права голоса?

В конце концов, Асхадов пока ещё меня не купил, потому что не заплатил Ржавому ни копейки. Да и я уверена – несмотря на все его высокопарные фразы о том, что долги всегда надо платить – платить он ничего не собирается.

Но мне сейчас реально интересно взглянуть в глаза этому Ржавому и высказать ему всё.

А потом – будем разбираться с Асхадовым.

Я выбираю скромные узкие джинсы, бледно-розовую блузку и лёгкие туфельки-балетки. Это всё более-менее подходит мне по стилю. Откладываю вещи на кровать и иду в ванну наводить марафет.

В гостиную выхожу ровно к назначенному сроку.

Асхадов стоит и смотрит на часы. Реально засекал время? И реально выволоч бы в том, в чём нашёл? Почему-то я в этом даже не сомневаюсь.

Мой внешний вид он оценивает коротким замечанием:
– Ну, хоть так. – И пропускает вперёд.

Сам же он одет, как всегда, идеально. Только разве что костюм сменил на более светлый. И галстук подобрал... мятный. Под цвет своих удивительных глаз.

Или потому, что я выбрала свадебный декор в этом оттенке?

Будь я поэтом, начала бы стихотворение о нём так:

Его глаза – цвета мяты,

В его голосе – арктический лёд...

Но я не поэт. И с рифмами у меня туго.

...В этот раз, когда мы выходим, нас ждёт машина с водителем.

И это лучше. Асхадов садится на пассажирское кресло вперёд. А я забираюсь одна назад.

Сейчас мне не хочется сидеть с ним рядом. Я не знаю, как на него реагировать. Не понимаю, какая ему выгода и корысть. В том, что подобные люди ничего не делают бескорыстно, можно быть уверенной на сто процентов.

Понять бы, зачем я ему? Почему он передумал и вернулся за мной? Предположить внезапно вспыхнувшие чувства у человека-калькулятора – несусветная глупость.

Мы подъезжаем к довольно уютному ресторанчику. Не думала, что Асхадов посещает такие места.

Ему по статусу положено что-то фешенебельное, со звёздами Мишлена.

Идём к двери.

Рядом.

Не касаясь.

Дверь он галантно приоткрывает и пропускает меня вперёд.

Официант сразу радушно встречает нас и ведёт к столику. Из-за которого поднимается человек удивительно похожий на моего любимого актёра Пола Беттани – такой же высокий, худощавый, чуть нескладный, рыжий и весь в веснушках.

– Руслан, – говорит он, протягивая мне узкую длиннопальную руку.

У него приятный, чуть хрипловатый, будто от простуды, голос.

И это нечестно! Бандиты не должны выглядеть так! И так звучать.

Я чуть смущаюсь и подаю ладонь в ответ.

Он осторожно берёт мои пальцы, наклоняется и... целует.

Потом вскидывает голову, смотрит в упор на Асхадова и выносит вердикт:

– Приятель, она слишком хороша для тебя.

И Асхадов удивляет меня, когда глухо, тихо и печально произносит в ответ:

– Знаю.

Перехватываю его взгляд. А там – колкие и ломкие углы растаявших льдин, мятная прохлада и... грусть. С чего бы? Что с ним?

Но – словно снова набегает северный ветер – глаза леденеют, а красивые губы кривятся в ехидной усмешке.

– Поэтому и решил на ней жениться, – говорит вроде бы серьёзно, но я чувствую в голосе насмешку. – Познакомься с моей невестой, Рус – Алла Альбертовна Нибиуллина. – Он специально выделяет мои отчество и фамилию, и я вижу, как Ржавый меняется в лице, отступая к столу.

– Ты шутишь? – он плюхается на стул, а Асхадов помогает мне сесть. Сам же – вальяжно устраивается рядом, поло-

жив руку на спинку моего стула. Будто обнимает. Очерчивает территорию. Показывает мою принадлежность ему.

Высокобюджетная вещь.

– Разве я бы стал шутить такими вещами? – продолжает ёрничать Асхадов. – Ты же меня знаешь! Но если не веришь – вот, – и кладёт на стол мой... паспорт.

Точно помню – документы оставались в квартире, в сумочке, я её не забирала, когда мы уходили оттуда. Значит, успел съездить туда и забрать. Ну да, мы же жениться собираемся. Для этого нужен паспорт! Наверное, уже и заявление за обоих подал!

Ржавый внимательно изучает документ, возвращает Асхадову и, ероша непокорные рыжие волосы, бормочет:

– Но как? Как вы вместе...

– О, – тянет Асхадов, – у нас очень интересная история знакомства. Расскажешь, дорогая? – он вроде бы покровительственно касается моей ладони, но меня пронзают сотни ледяных игл. Его руки холодны, как у мертвеца или... робота. Машины. Металлического изделия. – С момента, где отморозки Ржавого ворвались в квартиру Альберта Нибиулли-на, избили его, а дочь собирались пустить по кругу...

К моему удивлению – второму за этот вечер – Ржавый тушется и бледнеет.

А я улыбаюсь и ловлю пас, брошенный Асхадовым.

– Нет, милый, – начинаю, глядя только на него, – лучше я начну с того, как отморозки Ржавого устроили аварию Рим-

ме Нибиуллиной. Она просто ехала домой на своей старенькой окушке. А её перемесили внедорожниками.

Ржавого дёргает, ладонь, лежащая на столе, трясётся. Он судорожно то сжимает её в кулак, то разжимает.

Но я сегодня безжалостна, поэтому говорю прямо:

– Вы всегда воюете с женщинами, Руслан? Вешаете на них долги мужчин?

Он мотает головой – растерянный, раздавленный, виноватый.

– Никогда... что вы... – бормочет, заикаясь, – то, что вы говорите... не может... правдой...

– Но это правда, – холодно режет Асхадов и вытягивает из внутреннего кармана медицинское заключение о состоянии моей мамы.

Меня окатывает волной ужаса – того, что испытала, когда только услышала это известие. Того, от которого глохнешь, слепнешь и летишь в бездну. Тебе страшно-страшно, потому что самый дорогой тебе человек, тот, кто всегда берёт и защищал, вдруг оказывается на грани смерти.

Кажется, я кричу, схватившись за голову.

Ледяные пальцы с силой сжимают мои плечи.

Меня встряхивают, как тряпичную куклу.

Но это помогает, я прихожу в себя.

Хлопаю глазами, судорожно сглатываю, а потом – вымучиваю улыбку. И снова вижу в лице Асхадова что-то такое, чего не должно быть – тревогу? беспокойство? сочувствие?..

– Алла Альбертовна, – хрипло произносит Ржавый, – вы не подумайте... это не мои методы.

Асхадов хмыкает.

– Тогда, Рус, всё ещё хуже.

Тот удивляется, скидывает рыжие брови.

– Что это значит?

– Значит, друг, что твои подельники болт клали на тебя и твои принципы. И вертели тебя на нём.

Ржавый меняется в лице – куда девается солнечный мужчина, этакий растерянный интеллигент. Выражение становится жёстким, злым, скулы хищно заостряются, желваки так и ходят. Теперь передо мной хищник. Этому я бы никогда не подала руку – из боязни, что она будет откушена по локоть.

Ржавый берёт свой айфон и торопливо набирает номер, успевает включить громкую связь.

– Семён, – начинает он, – как твоё ничего?

Тон – вроде бы дружелюбный, но даже меня, которая впервые видит этого человека, не обманет.

Семён – тот, лысый, что командовал у нас в квартире – видимо, тоже не обманывается. Выдаёт показную весёлость:

– Ничего. Живём-дрыгаемся.

– Что-то я смотрю, ты не торопишься ко мне с отчётом по делу Альберта Нибиуллина. Или вестей нет?

– Босс... Тут такое дело. Твой знакомый, этот пижон Асхадов, всё похерил. Сказал, сам тебе заплатит.

– Семён, я не понял, – недовольно произносит Ржавый и барабанит длинными пальцами по столешнице, – почему я узнаю это только сейчас? Где твоё рвение? Почему не поспешил с докладом?

– А потому, – хмыкает трубка в его руке, – что ты, Ржавый, лох и больше мне не босс. Вы с этим Асхадовом свои игры ведёте – сам и отвечай. Только вы разойдетесь, как друзья, а нам потом расхлёбывай. Не дело это, Ржавый. Парни недовольны. Ни денег не поимели, ни девку. За это мы твоего хлюпика взяли, Лёшку. Цыкнули на него – он там всю базу твоих должников и слил, – довольный гогот. – Так что бывай, Ржавый. Не хворай и ушами не хлопай.

Семён отключается.

– Решили самодеятельностью заняться, ублюдки. Имя моё вымарать! Ну что ж, я их погорелый театр по кирпичику разнесу, – он поднимается, а меня буквально вжимает в стул тяжёлой энергетикой абсолютной злости.

Асхадов поднимается следом:

– Я с тобой.

– Нет, – говорит Ржавый, – у тебя свадьба. Невеста-красавица. Что она будет делать?

– Ждать, – бросает в мою сторону. – Алла, иди в машину, – он так запросто перешёл на «ты», хотя, наверное, выкатить в нашей ситуации и дальше было бы глупо, – поезжай домой и ложись спать.

– А ты? – включаюсь в его стиль и то же перехожу на «ты».

Несколько мгновений мы смотрим друг на друга. И мне кажется, что-то происходит. Он оттаивает. Потому что произносит куда мягче, чем обычно.

– Я скоро вернусь.

Киваю, подчиняюсь, иду к двери, потому что не могу ему не верить...

Иду к машине, а в голове пульсирует паника. Мне страшно за Гектора? Да, так и есть. Не буду врать. Куда они вдвоём в бандитское логово? Совсем обезумели?

Уже выйдя из ресторана, приоткрыв дверь машины, замираю. Может, вернуться? Остановить их? Попытаться вразумить?

Ага, Алла, отключай наивняка. Два мужика на адреналине тебя вряд ли слушать станут. Ещё и сама огребёшь.

Вздыхаю и благоразумно сажусь в авто. Водитель ловит мой взгляд в зеркале заднего вида.

– Вы в порядке, Алла Альбертовна? – Киваю. – Хорошо, а то Гектор Леонидович с меня шкуру спустит, если узнает, что вам было плохо, а я не позаботился.

– Всё нормально, – напряжённо улыбаюсь я, – едем домой.

И только сейчас – запоздало – понимаю, что подразумеваю под «домом» коттедж Асхадова. И он сам – тоже. Когда отправлял меня ждать.

Начинаю привязываться, привыкать. Так быстро. Так неотвратно. До потери себя. Мне почти страшно, но я точно знаю, что хочу... хочу этого... хочу рухнуть в холодную мятную бездну по имени Гектор Асхадов и потеряться в ней.

– Алла Альбертовна, – начинает водитель (он знает моё имя, а я его – нет), – шеф велел рассказать вам, чтобы вы

не надумывали себе. Руслан Евгеньевич – он не бандит. Да, бизнес у него – полулегальный: казино, букмекерские конторы, парочка стриптиз-клубов, но всё без криминала. А если люди хотят тешить свои пороки – почему бы им не предоставить место, где они могли бы это делать? Ну да, ещё деньги в рост даёт – это тоже, вроде, не запрещено. И вообще, Гектор Леонидович – его личный аудитор. Столько «крыс» ему переловил. Без него Руслана Евгеньевича уже бы давно по миру пустили. Он же увлекающийся.

После этого рассказа меня немного отпускает. Впрочем, уже после беседы с Ржавым, его искренних смущения и гнева, я стала относиться к нему с уважением. И теперь не стану возражать против такого шафера.

– Хорошо, что он не бандит, – комментирую я.

– Вы, наверное, плохо моего шефа знаете. Он с криминалом дела из принципа не имеет. И друга такого бы не потерпел. Да и сам Руслан Евгеньевич предпочитает более цивилизованные методы решения.

– Ага, – невольно ляпаю я, – то-то оба и полезли «цивилизованно» решать.

– Это мужское, Алла Альбертовна, – строго, по-отечески говорит водитель. – Тут затронули их близких, их честь. Нужно учить, ставить на место.

– Это же неразумно. Их же только двое.

– Поверьте, эти двое – сотни стоят. Они знают, что делают. Мне хочется в это верить, потому что сердце упрямо сжи-

мается от тревоги.

А водитель, видимо, разохотившись, продолжает:

– Вообще-то Руслану Евгеньевичу полезно встряхнуться. Розовую муть в голове подрастяти.

– Розовую муть? – не понимая, переспрашиваю я.

– Ага, – хмыкает водила, – он чересчур увлёкся балеринкой одной. Всё в краевой центр мотается. Ни одной её постановки не пропускает. А дела забросил. Опять нашему шефу придётся Руслану Евгеньевичу мозги на место ставить. Хорошо, что Гектор Леонидович этой чепухой не страдает.

– Чепухой? – моё сердце мгновенно проникается сочувствием к человеку, который, судя по всему, безнадёжно влюблён. В этом мы похожи. И Ржавый, неожиданно, становится ещё ближе. – Вы считаете чувства чепухой?

– Не хочу вас обижать, Алла Альбертовна, но да. И рад, что работаю на человека, который считает так же.

Так же? А как же ломаные льдины в его глаза и тихое «знаю»? Это чувства? Или я себе всё придумываю? Придумываю его? Сочиняю героя?

Вздыхаю и отворачиваюсь к окну, за которым проносятся вечерние городские пейзажи. Пытаюсь вернуться мыслями к своим проблемам. Нужно завтра навестить и мать и отца. Узнать, как они. Не надо ли чего.

Асхадов утром сказал, что заплатил за обоих. А ещё раньше говорил, что не помогает чужим, потому что не благотворительный фонд. Значит, я каким-то образом умудрилась

попасть в круг своих? Я, по-прежнему, не понимаю, зачем нужна ему? И нужна ли вообще? Если чувства он считает чушью и розовой шелухой, то предполагать их как главный мотив – глупо?

Что же тогда? Жаль, я не могу переговорить сейчас с мамочкой. Рассказать ей всё. Спросить совета.

Что если я для Асхадова – игра? Изощёренная месть моей семье за то, что отец делал в отношении его семьи? Хотя... тогда он должен был дорожить этой самой семьёй, Ибрагимом, которого нагревал мой отец? А папа сказал, что он уложил всю свою семью по пути к креслу директора холдинга. Отец у меня, конечно, вышел из числа доверенных, но всё же его слова посеяли в душу семена сомнения...

Когда мы добираемся к дому, темнеет окончательно.

Иду в свою комнату, снимаю одежду, принимаю ванну, всё ещё размышляя о случившемся. Успеваю даже поплакать под струями воды. Мне сложно, так сложно. И страшно...

Переодеваюсь в лёгкий, светло-зелёный пеньюар, который красиво оттеняет мои тёмно-золото-медные волосы и белую кожу с россыпью родинок от шеи к плечу. Маленьких. Аккуратных. Как звёзды.

Прикрываю глаза, касаюсь себя рукой и представляю, что по коже скользят его губы – ниже, требовательнее, горячее...

Ах...

Спать не получалось. Слишком будоражащие картинки крутились в голове.

Я хочу его.

Даже врать себе не буду.

Так сильно хочу.

А ему – не нужна.

Проворочавшись некоторое время, я всё-таки встаю и иду в гостиную. Забираюсь на диван с ногами. Смотрю, как сквозь занавеси, дробясь, на пол льётся лунное серебро.

Что теперь будет со мной? Что принесёт мне замужество? Ведь известно же – насильно мил не будешь. А меня отец буквально навязал Асхадову. Меня и ворох проблем.

Почти в прострации слышу, как открывается входная дверь. Вскакиваю, бегу навстречу.

Он ведь сказал ждать. Я ждала.

Подбегаю и... сразу напарываюсь на тёмный, какой-то нечеловеческий взгляд. Замечаю, что безупречный костюм запылён и порван, на рубашке кровь, руки сбиты...

– Алла, почему ты не послушала меня? – голос звучит низко, хрипло, будоражаще. В нём нет льда, зато есть угроза. – Я ведь сказал тебе: ложись спать. – Продолжает он, надвигаясь, всё ближе, опаснее, неотвратимее. – Напрасно ты осталась.

Хватает меня, впечатывает в стену и впивается в мои губы диким голодным поцелуем.

Клеймит меня.

Пожирает.

Трахает в рот.

Одна рука до лёгкой боли сжимает волосы у меня на за-

тылке, другая – обвивает талию, заставляя меня выгнуться, но при этом прижаться бёдрами к нему и чувствовать...

Как он возбуждён.

Как щедро одарила его природа.

Как он хочет меня.

И я...и я хочу...

Отвечаю жадно, путаюсь пальцами в волосах. Они оказываются шелковисто-жёсткими. Соскальзываю на плечи – широкие, каменные – цепляюсь за грубую ткань пиджака.

Мне хочется, чтобы он подхватил меня под бёдра и потянул вверх. Хочется насадиться на его член до упора. Хочется стонать ему в рот его красивое имя...

– Гектор... – вырывается от меня, когда он оставляет мои губы и перемещается на шею, плечи, ключицы. Отпускает волосы, зато начинает теперь сжимать грудь... – Возьми меня... я с ума сойду... прошу...

Задыхаюсь, тнусь об него, как течная кошка, понимаю, что если не получу его внутри себя, – умру.

– Нужен... как воздух...

Я плавлюсь, растекаюсь лужицей. А Гектор вдруг трезвеет, каменеет, отстраняется.

Я хнычу, тянусь за ним.

– Гектор, почему? – давлюсь слезами.

– Алла, иди спать, – он устало прикрывает глаза и сжимает кулаки.

– Но ты же хочешь меня! – достаю последний аргумент.

– Перехочу, – отрезает он все мои попытки вернуться к недавнему безумию.

Проходит мимо меня, будто я вещь, не оборачивается, будто вмиг потеряв всякий интерес.

А я, захлёбываясь рыданиями, сползаю по стене...

Спать...

Легко сказать – сложно сделать. Я лежу и глупо таращусь в потолок. Смотрю, как там лунные зайчики играют взапуски.

Почему он так со мной? Словно поманит призрачной надеждой, заставит сердечко радостно колотиться, и тут же – отталкивает, топчет, разбивает в прах.

Я ведь чувствовала, как он хотел, горел, сходил с ума. От него просто исходило сумасшедшее желание, в котором я рассыпалась пеплом.

А потом это его «перехочу». Цинично, холодно, безразлично. Будто это я на него набросилась. Будто чувства, что вспыхнули между нами в тот миг – а они вспыхнули! – неправильные, греховные, грязные.

Он и меня саму будто в грязи вывалял.

Сна нет.

Слёз нет.

Внутри только звенящая пустота.

Наверное, надо уйти. Уйти, пока не поздно. Судя по все-

му с теми отморозками Семёна Асхадов с Ржавым разобрались. Значит, угроза мне лично отсутствует. Значит, можно продолжить жить в квартире родителей. Скоро поправится отец, придёт в себя мама...

Сердце пронзает острой жалостью, когда думаю о родителях.

А потом вспоминаю слова, брошенные мне – как подачки нищенке: «Я заплатил за ваших родителей», «На свадьбе будет пресса и представители администрации»...

Если так – то я ошиблась. Уже поздно.

И теперь уже это не долг отца – мой долг. Моя благодарность за помощь.

Но разве согласиться на этот брак – не означает вырвать себе сердце? Запретить чувствовать? Смогу ли я так?

Разморозьте его, попросила добрая служанка.

Но хватит ли у меня сил? Там же – вечная мерзлота на километры вглубь души.

За такими невесёлыми мыслями и вопросами без ответов проходит ещё одна ночь в этом доме. Моём и не моём одновременно.

Когда за окном ещё едва сереет – спускаю ноги с кровати. Никогда прежде не поднималась так рано. Но сейчас понимаю, что лежать бесполезно. Только хуже. И так чувствую себя разбитой.

Кое-как доползаю до ванной, привожу себя в относительный порядок. Потому что – бросаю взгляд в зеркало – краше

в гроб кладут: синяки под глазами, бледная сухая кожа, потрескавшиеся губы. Слабость, апатия.

Разве так должна выглядеть девушка, у которой свадьба через три дня? Влюблённая девушка?

Влюблена ли я? Снова в голове всплывает момент, когда я сижу на полу в разодранной одежде, а Асхадов наставляет пистолет на ублюдков и холодно чеканит: «Убери лапы от моей женщины».

А вчера? Я просто вспыхнула, как спичка, едва он коснулся меня. И, плаваясь под дикими, почти болезненными поцелуями, чувствовала себя самой нужной, самой желанной, необходимой, как воздух...

Любовь ли это?

Гектор заставляет меня неметь и замирать – так влияют его красота, его харизма, сила, исходящие от него.

Это не любовь – обожествление, восхищение, преклонение смертного перед небожителем. Точно так же ненужное ему, как не было нужно олимпийцам обожание древних греков.

Переодеваюсь всё в тот же пушистый домашний костюмчик и футболку с котёнком. Хотя шкаф полон новой одежды.

На периферии сознания вертится что-то про ранний подъём и не менее ранний завтрак. Сегодня я вроде бы несильно припозднилась. Хотя, как могла тянула время в ванной.

Не знаю, как смотреть теперь Асхадову в глаза. О чём с ним говорить?

Меня накрывает стыдом, смущением и... толикой разочарования.

Хотя, если вчера всё случилось, разве сегодня было бы легче?

Уныло плетусь в сторону гостиной. Где здесь кухня – не знаю. Вчера меня кормили на веранде. А потом я перекусывала прямо на диване, поскольку некогда было отвлечься от просмотра вариантов оформления.

В гостиной, к счастью, встречаю Людмилу Васильевну, она не знает, куда деть руки, как вести со мной.

От души улыбаюсь ей. Со мной надо быть проще – я не принцесса.

– Давайте, я провожу вас в столовую. Гектор Леонидович уже ждёт.

– Он спит вообще? – выдаю удивлённое, а так хочется добавить: «Или просто подзаряжается?»

Людмила Васильевна вздыхает:

– Иногда я тоже себе задаю этот вопрос. Но точно знаю – встаёт ни свет ни заря. Тренируется на площадке за домом.

– Тренируется? – а вот тут не удивляюсь даже. Такая фигура может быть только у человека, который не чужд регулярным физическим упражнениям.

– Ну да. Он какими-то восточными единоборствами увлекается. Я все эти названия не выговариваю, поэтому точно не знаю чем. А ещё в подвале у него спортзал с тренажёрами.

– Спорт, единоборства – и при этом курит сигарету за си-

гаретой! Разве это совместимо?

Людмила Васильевна вздыхает вновь:

– Разумеется, нет. Только он же никого не станет слушать...

Мы входим в столовую, и я замираю. Длиннющий стол, за которым без труда можно усадить всю мою родню по маминной и по папиной линии.

Асхадов сидит на одном его конце. Мне накрыто на другом.

Что это? Попытка показать дистанцию между нами?

Становится горько и холодно.

Бурчу:

– Доброе утро, – хочу сесть, но Асхадов качает головой:

– Перебирайся сюда, – указывает мне место по правую руку.

Людмила Васильевна и Лена, которая оказывается тоже здесь, помогают мне перенести приборы.

К чему была демонстрация? Меня учат? Дрессируют?

Сажусь, желаю приятного аппетита, а сама – ковыряюсь в тарелке. Есть не хочется совсем.

Асхадов пьёт кофе из изящной фарфоровой чашки и просматривает газету на планшете. Мне удаётся выхватить текст на экране. Воу, на английском! Вспоминаю, что отец рассказывал о нём – феномен, вундеркинд, отличник.

Окидываю взглядом эту идеальную статую. Снова костюм, сидящий, как влитой, на его стройной красивой фигу-

ре. Светло-серая рубашка. А вот на галстук и платке, который выглядывает из кармана на пару миллиметров – снова мята.

Это заставляет меня улыбнуться.

Крохотная соринка на плече портит безупречный образ. Как замороженная, тянусь, чтобы смахнуть её.

Длинные сильные пальцы молниеносно перехватывают моё запястье и крепко сжимают.

Тяжёлый холодный взгляд буквально прибивает к полу. Даже дышать становится трудно, будто на грудь плиту уронили. Кровь стынет.

– Не смей прикасаться ко мне, если я не разрешу, – чеканит он, являя меня ледяными клинками в глазах.

– Хорошо, – испуганно лепечу я, не понимая, что такого сделала. – Отпусти, мне больно.

Асхадов не просто отпускает, брезгливо отбрасывает, будто гриб-гнилушку нашёл.

Страхивает пылинку, к которой я тянулась, и произносит, заставляя вздрогнуть:

– Тебе ведь интересно, почему я остановился вчера?

– Да, – честно признаюсь я.

– Ты вела себя, как похотливая самка. Я не выношу такого поведения у женщин.

Лучше бы пощёчину влепил, ей богу. У меня овсянка поперёк горла становится. Выбивает слёзы.

Прокашливаюсь, обретаю способность говорить и спра-

шиваю:

– То есть, женщина не должна желать?

– Алла, – он опять переходит на тон усталого педагога, который вдалбливает теорему в головы недалёких учеников, – в сексе *хочет* и *берёт* мужчина. Женщина – *отдаётся* и *принимает*. Никакой инициативы. Только покорность и подчинение. Полное и беспрекословное.

На миг я даже забываю, как дышать. Это что ещё за махровый домострой в двадцать первом веке?! Осталось заявить: «Молчи, женщина, твой день – восьмое марта». А с него начинается.

Только я такого обращения с собой не потерплю.

– Тогда проще купить резиновую куклу, – язвлю я.

Он ехидно ухмыляется:

– Предпочитаю всё натуральное.

– У натурального, – чувствую, как начинаю закипать, – есть чувства и эмоции. И в сексе – тоже.

– Что за чушь? – фыркает он. – Секс – это лишь удовлетворение физиологической потребности. Одно из многих. Но люди делают из этого культ. Голову теряют. Преступления совершают. Ради чего?

Блин, где у него режим «человечность»? Я читала, что сейчас даже андроидов стараются делать с эмоциями. Этот – наверно – бракованный.

Мне хочется выть и биться головой об стол.

Асхадов же, поднимаясь из-за стола, припечатывает меня,

прежде чем уйти:

– И, Алла, на будущее – не придумывай меня. Я не герой. Усвой это. И нам обоим будет легче жить под одной крышей. – Хмыкает, видя, как я расстроена и потеряна от всех этих заявлений. – Скоро приедет Филлип Крубье с командой. Встреть их, как полагается хозяйке, а не в этом, – он кивает на моего котика, ушки которого задорно топорщит моя небольшая грудь.

– Гектор, – говорю я, – может, не будем. Зачем? Вся эта свадьба. Показуха. Если тебе надо, чтобы я отработала долг за отца, за спасение – мы можем и так переспать.

– Алла, я тебе, по-моему, ясно сказал всё: решения о том, когда и как нам переспать – буду принимать я. Все остальные – тоже. А ты – учись подчиняться. Пригодится, – ещё раз хмыкает. – Счастливого дня, – бросает уже через плечо и уходит.

Оставляя меня в звенящей тишине абсолютного отчаяния.

Кажется, я роняю слёзы прямо в миску с овсянкой. Всё равно, вряд ли буду есть сегодня. Аппетит как-то пропал.

Да что там – интерес к жизни пропал. Какая свадьба? Какие наряды?

Всё сделано за меня. Мои желания не в счёт. Мои интересы по боку.

Ох, хоть бы мама скорее в себя пришла. Забрала бы меня из этого фарса. Зажили бы с ней вдвоём. Папу бы назад не приняли. Нет-нет. Даже на коленях будет просить – не прощать! Я так решила и маму смогу убедить. Если Асхадову нужна свадьба – пусть, поженимся и быстро разведёмся.

На плечо мне ложится узкая жилистая ладонь:

– Не убивайтесь так, Алла Альбертовна. Просто Гектор Леонидович давно один живёт. Не умеет с людьми взаимодействовать. Особенно, с девушками. Да ещё – такими красивыми. Слышали бы вы, как теплеет его голос, когда он отдаёт распоряжения на ваш счёт. Только и слышно: «моя Аллочка».

Людмила Васильевна утешает меня. Дружески пожимает плечо. Только разве мне легче? С прислугой обо мне говорит тепло, меня же лично – сечёт холодом. Называет вещью. Заявляет, что мои чувства ему не интересны.

– Спасибо, Людмила Васильевна за поддержку, – улыба-

юсь я, пожимая ей руку.

– Как не поддержать, – говорит она, – у меня дочка – ваших лет. Замуж после школы выскочила, забеременела почти сразу. Выходила по такой любви – все соседи завидовали. Мы на пятом этаже жили, так зять на каждую ступеньку – от входа в подъезд до порога нашей квартиры по розе клал. Она к нему по розам шла. Я на свадьбу кредит брала, чтобы всё самое лучшее у дочки – и платье, и ресторан. И что в итоге? У неё ребёнок маленький, крохотная двушка, муж работает по шабашкам, а больше дома на диване. Постоянные скандалы. Пьянки. Руку на неё поднимать начал. Эх, – машет рукой. – А Гектор Леонидович хоть человек и жёсткий, но вы с ним будете как за каменной стеной.

Ага, в тюрьме, хочу добавить я, но молчу. Прислуга всегда будет на стороне хозяина. Не стоит настраивать против себя.

– Я пойду, – произношу глухо. – Гектор велел переодеться.

Проговариваю это – и сама понимаю, как звучит. Велел! Будто мой хозяин.

– Вам помочь? – неожиданно предлагает Людмила Васильевна. – С переодеванием? Моя Ниночка всегда советуется со мной.

– Буду благодарна, – киваю я.

Всё-таки наряжаться одной – довольно скучно.

Чисто девчоночье занятие отвлекает от глупых мыслей. Мы выбираем лёгкое шифоновое платьице с коричневым

принтом, коротенький пиджак и туфли на каблуке. В этом наряде я выгляжу взрослее, стильной и не-мной.

Людмила Васильевна усаживает меня на пуф перед зеркалом, чтобы подправить причёску. Хвастается тем, что в своё время училась на парикмахера. Пока она возится с волосами, беру телефон и ищу информацию об этом Филиппе Крубье. Со странички на меня смотрит юный эльф с платиновыми волосами и зелёными глазами. Отец – обрусевший француз, художник, мать – русская, актриса. А сын, значит, в дизайнеры-оформители подался. Открываю его проекты – тонкость, аристократизм, стиль. Не то что, кустарщина Дининой тёти. Теперь понятно, почему Асхадов возмутился, увидев в ноутбуке её творения.

К приезду Филиппа я уже полностью готова.

Он встречает меня, как старую знакомую, обнимает, целует в щёку. В жизни он ещё красивее. Хрупкий, чуть выше меня ростом. Говорит с лёгким французским прононсом, но скорее для понтов, а не потому, что правда так разговаривает.

Мы сидим в гостиной, на том самом диване. На столике Филипп установил лэптоп и разложил папки со своими проектами.

Как-то сразу нас потянуло друг к другу, как старых друзей. Я всегда мечтала, чтобы у меня был брат. И Филипп вполне подходит на эту роль.

– Шарман! Шарман! – произносит, оглядывая меня. – Ты

так похожа на его мать!

– На мать? – переспрашиваю.

– Да, на Арину Сергеевну. Я её застал уже не очень юной и больной, но она и тогда хранила следы былой красоты.

Я вдруг понимаю, что до этого даже не интересовалась матерью Гектора. Её историей. И теперь, судорожно сглотнув, спрашиваю:

– А-Арина Сергеевна давно умерла?

– Десять лет назад, – грустно отзывается Филипп, ищет что-то в телефоне, потом показывает мне фото – с него смотрит молодая женщина. Очень красивая и печальная. Она действительно чем-то неуловимо похожа на меня.

– От чего она умерла? – спрашиваю.

– Съела металлическую мочалку, – говорит он, а самого передёргивает. И меня вместе с ним.

– Как мочалку? – переспрашиваю, холодея.

– У неё было редкое заболевание – синдром Клювера-Бюси. Он ведёт к ослаблению эмоциональных реакций, гиперсексуальности и прожорливости. Человек буквально всё подряд тянет в рот. Я знаю, потому ею занимался мой дядя. В доме Асхадова за ней не уследили, она прорвалась на кухню и съела мочалку. Умирала в жутких мучениях: когда приехала скорая – она уже рвала кровью...

Меня передёргивает, внутри всё холодеет. Филипп пожимает мне руку.

– Прости, наверное, я не должен был рассказывать. Толь-

ко Гек никогда не скажет. Для него мама – святая. Признать, что она перед смертью превратилась почти в животное – он до сих пор не готов. Хотя она к тому времени уже никого не узнавала из родных. А ведь до того, как болезнь начала прогрессировать, она просто обожала Гека. Они были очень близки. А потом... потом она стала сверхтактильной. Ей всё время хотелось трогать какие-нибудь предметы. Его она, кстати, тоже стала воспринимать как предмет, как вещь... По наблюдениям отца и коротким беседам – Гек из-за этого чувствовал себя использованным. А потом... винил себя, что думает дурное о матери... – он прерывается и замолкает, уставившись в одну точку...

Я даже затыкаю себе рот, чтобы не закричать. Какой ужас! А в голове уже крутится простая арифметика. Если сейчас Гектору тридцать, а мать умерла десять лет назад – значит, он на момент её смерти был моего возраста. А симптомы, стало быть, проявились ещё раньше. Возможно, поэтому Асхадов и окончил университет экстерном. Чтобы больше времени проводить с угасающей матерью.

– Это передаётся? – почти шепчу я, боясь услышать ответ. Филипп берёт меня за руку, заглядывает в лицо с тревогой и пониманием:

– Нет, не волнуйся. У Арины Сергеевны это – посттравматическое.

Меня снова обдаёт холодом.

– Это из-за Ибрагима Асхадова? – уточняю.

Он мотает головой:

– Что ты, Ибрагим Мамедович её обожал. Пылинки сдувал. На руках носил. Лучших специалистов к ней приглашал. Моего дядю, в частности. Тот из Франции прилетал. Просто... когда она поехала поступать... её изнасиловала толпа поддонков. Она еле выжила, но оказалась беременной. Гектором как раз. Отчим Арины Сергеевны согласился её сына на себя записать и отчество своё дал. Она вроде оправилась от насилия, смогла жить дальше. И вот видишь – выстрелило.

Я сижу, буквально придавленная этим знанием. Не жалость, нет, острое сострадание к юноше, которому пришлось пережить подобный ад, сжимает моё сердце. Теперь даже могу где-то понять его «тараканов». Например, с женской инициативой в сексе и нелюбовью к несанкционированным прикосновениям. Я даже благодарна Филиппу за столь тяжёлый рассказ. Это поможет мне быть мудрее, чутче и, возможно, даст ключик к заледеневшему сердцу Гектора.

Сейчас, когда мои мать и отец в больнице, я, как никто, могу его понять.

Филипп хлопает меня по руке:

– Так, хватит о грустном. У тебя свадьба как-никак. Давай выбирать оформление. Гектор сказал, ты хотела что-то с мятными нотками...

Я не дослушиваю дальше, хотя он говорит что-то ещё: моё

сердце колотится, в ушах звенит и, наверное, подсказывает давление. От радости. От осознания, что Асхадову важно. Что для него всё-таки существует моё «хочу».

Но в себя меня приводит не Филипп со своими эскизами, а один из охранников, которые сидят в будочке у ворот дома Гектора. Этакий шкаф два на два.

– Алла Альбертовна, там ваш отец...

– Мой отец? – удивляюсь я. – Он же в больнице.

– Сбежал.

– И что он делает?

Верзила разводит руками:

– Сходите и посмотрите сами.

Я поднимаюсь и иду за ним на ватных ногах, а сердце железной лапой давит тревога.

Мне жаль оставлять Филиппа и уже у выхода из гостиной оборачиваюсь к нему, он машет рукой: мол, всё нормально.

– Иди, разберись, я пока порисую. Как раз сосредоточиться нужно, – говорит дизайнер, отпуская меня.

И я, наконец, выхожу следом за охранником.

Ворота приоткрыты, чуть поодаль я замечаю такси – отец, почему-то, не отпустил машину. Секюрити провожает меня до ворот и застывает рядом с ещё парой таких же шкафов.

Я же пересекаю линию ворот и тут замечаю отца. Клиника, в которую отвёз его Асхадов, недаром лучшая в городе – папу славно подлатали. Но он всё равно ещё измученный и жалкий. Стоит, опираясь на костыли. Лицо синюшно, но

уже не выглядит сплошным кровавым месивом.

– Папа! – бросаюсь к нему. – Зачем ты из больницы убежал?

– Как я мог спокойно там лежать, когда знал, что моя дочь, моя кровиночка в лапах... этого!

Запоздалое раскаяние. Но меня уже совсем не трогает. Наоборот, досада берёт, что отец так ничего и не понял. Что, облажавшись по всем статьям, он ещё пытается найти виноватых.

– Уж лучше в его лапах, – резко отвечаю я, – чем быть изнасилованной толпой отморожков.

– Доченька! Аленький! – канючит отец. – Я же добра тебе желаю! Ты... ты не знаешь, что это за человек?! Не знаешь, что он сделал со мной?! – его начинает трясти от бессильной злобы. Впивается в костыли до побелевших костяшек.

И я холодею внутри.

За то недолгое время, что я провела в этом доме, успела убедиться: Асхадов – человек жесткий, но с принципами. Твёрдыми и... правильными. Такими, истинно мужскими, что ли. Иногда злящими меня, но лишь ту часть, которая напичкана современными идеями феминизма. А в остальном – я готова покориться, готова принять его власть, ведь, если трезво размыслить, он не сделал мне ничего дурного. Только помощь, забота (уж какая есть), решение моих проблем. Ответственность. Серьёзность. И... честность. Та самая горькая правда – *не придумывай меня.*

Мужчин судят по делам.

Отец же – по делам – профукал право на доверие, даже право на сочувствие. Но я всё же хочу знать, чем же обидел его Асхадов? Чем, что отец уже пять лет хранит и лелеет обиду на него?

– Так расскажи, – говорю. – Устала от недомолвок, игр, прятков. Говори прямо. И если ты прав – я пойду с тобой. Потому что ты – мой отец.

– Правда, Аленький, штука сложная. У каждого своя.

– Папа! – злюсь. – Хватит темнить и увиливать. Расскажи, что он сделал?

Отец опускает глаза. Мнётся, поджимает губы, которые ещё не зажили окончательно.

– Тогда, пять лет назад, он устроил мне показательную порку, – зло выплёвывает отец. – Мальчишка! Сопляк! Грёбаный гений! Если бы не он – я бы и дальше ловил рыбку в тучных озёрах Ибрагима. Поверь, от него не убывало! Но нет же, Ибрагиму потребовалось устроить эту аудиторскую проверку. И кинуть на неё щенка, который так желал выслужиться перед отчимом. У Гека нюх на цифры, как у ищейки. Знаешь, говорят, он способен распознать некий «цифровой след». И ладно бы распознал. Ладно бы решили в тесном кругу – Ибрагим мне верил. Даже больше, чем ему. Мальчишка это знал. Он собрал совет директоров, где были ублюдки, недолюбливавшие меня, и выстебал перед всеми. За каждую, мать его, копейку!

Отца трясёт, видимо, от воспоминаний. Меня тоже, но по-другому поводу.

– Папа, это ужасно, – бормочу я.

– Да, Аленький, ужасно! Меня никто так не унижал!

– Нет, папа, ты не понял. Ужасно, что ты творил все эти вещи с людьми, которые верили тебе. Ужасно, что считаешь виновными тех, кто поймал тебя за руку.

Отшатываюсь от него, как от прокажённого.

Папа неприятно кривит губы:

– Что переспала уже с ним, так отца родного готова продать за длинный член, иуда?

Мучительно краснею, хватаюсь за голову.

– Папа, как ты можешь говорить такие вещи! Гектор меня и пальцем не тронул! Он порядочный! Мы женимся в эту субботу!

– Что? Ты выходишь замуж за этого... этого... – он задыхается и не может подобрать ругательство позабористее.

Я вскидываю голову и упираю руки в бока (то ли в меня бесы вселились, то ли «заразилась» от Гектора силой и уверенностью) и выдаю:

– Не ты ли этого хотел? Сам же меня к нему привёл, как корову на ярмарку. Не постеснялся.

– Купил тебя, значит? – брезгливо морщится отец.

– Да хоть бы и купил! – кричу я. – Ты наверное жалеешь, что деньги мимо твоего носа прошли. Не сможешь очеред-

ную ставку сделать?! Да?!

– Стерва! – отец залепливает мне пощёчину. – Ты как с отцом разговариваешь? Вся в свою сучку-мать!

– Что?! – я аж подскакиваю на месте, даже забыв о боли в щеке. – Да как ты можешь такое говорить про маму!

– Я говорю правду! – взвизгивает он. – Берёг тебя раньше. Ничего не рассказывал. А теперь слушай – Риммочка, зараза, меня на себе женила. Не собирался я семью заводить. Мы ведь с ней просто развлекались – она студенткой в меде была, а я там небольшой проект пристройки делал. Просто отдыхали вместе! Я ей денег на аборт давал. Но нет же – упёрлась рогом, что, мол, она девочка из традиционной еврейской семьи. Что родные не поймут, если она от ребёнка избавится. Женись и всё, истерила, звонила мне на работу. Пришлось жениться. Стерва твоя мать, всю жизнь мне испортила.

Мне хочется броситься на него с кулаками и расцарапать едва зажившее лицо. Орать. Бить его, как те отморозки.

Но я лишь сжимаю кулаки, глотаю злые слёзы и шепчу:

– Убирайся! Раз мы с мамой такие стервы – убирайся к чертям из нашей жизни! Сами без тебя проживём! Не хочу тебя больше видеть! Никогда!

– Да и не надо! – отзывается он. – Ты мне отныне не дочь! Вот пойдешь замуж без отцовского благословения – будешь знать!

Разворачивается и ковыляет к такси.

Меня колотит от рыданий. Реальность перед глазами идёт

рябью. Даже не замечаю, когда подъезжает машина Асхадова.

Гектор выскакивает – он снова сам за рулём – и бросается ко мне, на ходу снимая пиджак. Буквально ловит меня в него, заворачивает и тут же подхватывает на руки.

Утыкаюсь ему в грудь, вдыхаю запах одеколona – морской бриз и сандаловое дерево – смешанный с запахом табака и взываю ещё громче.

– Не смей плакать! – строго требует Гектор, со мной на руках уверенно шагая к дому. – Он не стоит твоих слёз.

– Но он мой отец, – сквозь всхлипы бормочу я, цепляясь пальцами за шелк его рубашки, ощущая через ткань жар сильного мускулистого тела.

– Нет, – режет пространство своей холодной логичностью Гектор, – он просто особь мужского пола, которая предоставила свой биоматериал для твоего рождения. Отцы так себя не ведут.

И вроде злиться должна – он моего родителя оскорбляет, а не получается. Может, я действительно предательница, иуда, стерва, плохая дочь? Однако сейчас я полностью согласна с Асхадовым.

...буквально через два часа мне позвонили из полиции. Отца нашли мёртвым в кабинке туалета торгового центра: банальный несчастный случай – водка, к которой он в тот день знатно приложился, оказалась палёной...

Я выронила трубку и поняла – это из-за меня! Ведь это я

прогнала его! Я пожелала больше не видеть!Огромная вина
свалилась на мои плечи...

Плохая гадкая дочь!

...свадьбу пришлось отложить...

Кожа у мамы сейчас пергаментная: желтая, тонкая, неживая. Но мамочка дышит. Приборы вокруг тихонько пищат – сообщают, что жизнедеятельность в организме идёт почти нормально. Но в себя мамуля так и не приходит. Глаза её плотно закрыты. Доктора говорят, что она – всё слышит, понимает, только не может ответить.

Я глажу тонкую ладошку, неподвижно лежащую вдоль туловища. С ужасом кошусь на железки, которыми стянуто мамино тело. Они напоминают пыточные предметы. Врачи собирали её по кусочкам несколько часов. Хорошо, что мама сейчас не почувствует боль.

Наклоняюсь, прижимаюсь щекой к ладони.

Надо сказать. Если мама услышит – и уже останется в её памяти, в её подсознании. И когда она очнётся – известие не станет шоком.

Поэтому всё-таки произношу:

– Папы больше нет, – прерывающимся голосом.

Прикрываю глаза – вновь смотрю картинки с похорон.

... Асхадов помог организовать достойные проводы отца, но всю родню собирать не стали. Тётю Софу я, конечно же, позвала. Она хоть и была зла на папу, но приехала меня поддерживать.

На кладбище отвела в сторону и сказала:

– Слушай меня, племяшка, внимательно. Я тебе, как родной человек, скажу, – тетушка у меня толста, у неё двойной подбородок, он трясётся, когда она говорит, и я думаю об этом, чтобы хоть как-то отвлечься от видения ямы, в которую опускают гроб с телом отца, – раз уж ты Асхадова захотела – держи зубами. Чем хочешь держи. Таких мужиков сейчас почти нет. Это же вымирающий вид – *мужик порядочный*. Будешь за ним, как за каменной стеной. Не то, что моя сестра с твоим отцом.

Киваю, хотя едва понимаю о чём она говорит.

Тётушка сграбастывает меня в могучие объятия. Треплет по спине.

– Не будь дурой, девочка, – мягкой пухлой рукой вытирает мне слёзы. – Не упусти своё счастье.

Счастье...

Наверное, оно бывает разным. Моё – холодное. Несмотря на то, что во время похорон Гектор был рядом, сжимал моё плечо, полноценной поддержки, в которой я так нуждалась, ждать не приходилось.

Да что там – даже сочувствия и понимания.

...После поминок я сказала, что утром намереваюсь съездить в университет.

Открывая передо мной дверь в машину и усаживаясь рядом, Асхадов спрашивает:

– Собираешься взять темы, которые пропустила?

Вскидываю на него глаза – неужели не понимает?

Гектор сегодня весь вчёрном, как и я. Ему идёт, только выглядит он мрачнее, холоднее и опаснее. Если бы мне пришлось самой обратиться к нему – не за что бы ни подошла. От таких – пугающих – нужно держаться подальше.

Чувствую себя, как в клетке с хищником. Нервничаю. Но при этом хочу – до фантомных ощущений – чтобы он обнял меня и притянул к себе. Чтобы я выплакала горе в его объятиях. Зарядилась бы его силой и уверенностью.

– Нет, – говорю тихо, глядя себе под ноги, – хочу взять академ.

– Зачем? – он по-прежнему не понимает.

– Вообще-то у меня отец умер! – почти истерично говорю я. А самой хочется кричать: «Да проснись же! Отморозься!»

– И ты собираешься сидеть в академке из этого? – хмыкает он. – И чем будешь заниматься? Лелеять жалость к себе?

Мне хочется его стукнуть, чтобы проверить – ему вообще бывает больно! Но вместо этого сжимаю кулаки, глотаю слёзы и отворачиваюсь к окну.

Мой кулак накрывает большая прохладная ладонь и осторожно сжимает.

– Мне было двадцать, когда умерла мама, – произносит он, а у меня – обрывается сердце. Слишком живо вспоминаю историю, рассказанную Филиппом. – Я успел, скорая только уехала, а она ещё была жива. Силилась что-то сказать, но из-

за рта шли кровавые бульбы. Гладил её по волосам – и руки все в крови были. Будто я её убил. Отчасти так и есть. Сидел рядом и просил какие-то силы, уж не знаю, какие именно, чтобы ускорили её смерть. Представляешь, – горько усмехается он, и пальцы, сжимающие мой кулак нервно подрагивают, – желать смерти своей матери? Лишь бы не мучилась так, – он откидывается на спинку сидения, прикрывает глаза. – И беспомощность такая... Единственный родной человек уходит, а ты ничего сделать не можешь.

Он замолкает, а у меня дрожит всё внутри. Мне становится стыдно за предыдущие мысли. Хочется кинуться, обнять, прижать к груди. Пожалеть. Но разве ж он позволит?

Рассказывает он тихо, сухо, безэмоционально. И если бы не дрожь пальцев, и не понять было бы, что в душе у него в этот момент – разверстый ад. И, главное, что душа есть, и она кровоточит.

– А на следующий день после похорон, – продолжает Гектор, – у меня была моя первая аудиторская проверка. И завалить её было нельзя. Отменить – тоже. Жизнь не даёт поблажек, Алла. Она идёт своим чередом. И у нас есть обязательства перед ней, главное из которых – продолжать жить. Это то, чего бы хотели для нас ушедшие родные. Мои уходили один за другим: у отца не выдержало сердце – он обожал маму, братья не вынесли смерть отца. Я хоронил их и шёл на работу. Потому что её никто не отменял. Потому что больше некому. И хорошо, когда есть учёба, работа. Когда есть, чем

себя занять. Потому что если ты остаёшься один на один с горем, запираешься с ним в комнате – оно побеждает. Жалость к себе – кислота. Она сожрёт тебя, и от личности ничего не останется – размазня, амёба... Поэтому, Алла, никакого академика! Ходи на занятия и радуйся, что они у тебя есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.